

Шарлотта Бронте

Джейн Эйр

Дорога к счастью

Шарлотта Бронте

Джейн Эйр

«ЭНАС»

1847

УДК 82-3
ББК 84-44

Бронте Ш.

Джейн Эйр / Ш. Бронте — «ЭНАС», 1847 — (Дорога к счастью)

ISBN 978-5-91921-569-1

Роман Шарлотты Бронте о судьбе молодой одинокой девушки по имени Джейн Эйр – уникальная книга. Он произвел фурор, когда вышел в свет в 1847 году. Впервые с такой силой и страстью женщина заявила о своем праве быть личностью. С тех пор прошло немало лет, но «Джейн Эйр» остается одной из самых проникновенных, самых знаменитых книг о любви. Для старшего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-569-1

© Бронте Ш., 1847
© ЭНАС, 1847

Содержание

Предисловие от издательства	6
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	29
Глава VI	38
Глава VII	43
Глава VIII	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Шарлотта Бронте Джейн Эйр

Charlotte Brontë
Jane Eyre: An Autobiography

Перевод с английского по журналу «Юный Читатель».

© А. Власова. Обложка, иллюстрации, 2017

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2017

Предисловие от издательства

Роман английской писательницы Шарлотты Бронте (1816–1855) «Джейн Эйр» в истории мировой литературы стоит особняком и пользуется неизменной любовью читателей. Пожалуй, это одна из самых лучших, чистых и сильных книг о любви. Она вдохновляет в счастливые моменты жизни и дарит надежду на лучшее, когда грустно на душе.

После выхода в свет в 1847 году роман сразу вызвал бурные дискуссии в обществе. Впервые с такой страстной силой женщина заявила о праве чувствовать наравне с мужчиной: «У меня такая же душа, как и у вас, и, безусловно, такое же сердце». Едва ли не впервые в истории мировой литературы героиня романа оказалась дурнушкой, а не красавицей. Этот роман послужил одним из толчков к возникновению движений за женское равноправие. После его выхода появилось множество литературных подражаний, которые давным-давно канули в Лету, потому что и на сотую долю не были такими талантливыми, как книга мисс Бронте. Но самое главное, редко кому удавалось так проникновенно писать о любви.

На русский язык «Джейн Эйр» переводили девять раз за последние 150 лет, немногие книги могут похвастаться таким пристальным интересом переводчиков. Как пишет российская исследовательница творчества Ш. Бронте Ю. В. Ямалова¹, первое сокращенное переложение книги появилось в журнале «Библиотека для чтения» в 1849 году. С тех пор русские издатели предприняли несколько попыток донести роман до своих читателей. Каноническими переводами считаются работы В. О. Станевич (1950) и И. Г. Гуровой (1990).

В нашем издании мы предлагаем вниманию читателя еще одну прекрасную версию великого романа. Это литературно обработанный перевод книги, который был опубликован в журнале «Юный читатель» в 1901 году. Именно по нему юные барышни дореволюционной России знакомились с «Джейн Эйр». К сожалению, имя переводчика осталось неизвестным. Как пишет Ю. В. Ямалова, «в целом, несмотря на пропуски и сокращения, содержание романа в переводе 1901 г. передано достаточно полно, и при этом текст приближен к русской культуре, адаптирован для русского читателя с учетом возрастной категории реципиента».

Каждый перевод великого романа – это диалог времен, дуэт автора и переводчика. На наш взгляд, текст, представленный вашему вниманию, – это еще один повод поговорить о любимой книге.

¹ Ямалова Ю. В. История переводов романов Ш. Бронте в России // Вестник Томского государственного университета, общенаучный периодический журнал. № 363, октябрь 2012 г. С. 38–41.

Часть первая

Глава I

О прогулке нечего было и думать в этот день. Утром мы еще пробродили около часа недалеко от дома, среди облетевших кустарников, но после обеда подул холодный зимний ветер, по небу расползлись тяжелые серые тучи, и пошел такой пронизывающий дождь, что о дальнейшем пребывании на свежем воздухе не могло быть и речи.

Я была этому рада. Я никогда не любила продолжительных прогулок, особенно в такие холодные послеобеденные часы. Как ужасно было возвращаться домой в неприветливые сумерки, с окоченевшими руками и ногами, с тяжелым сердцем выслушивать брань Бесси, нашей няни, и с горьким чувством унижения сознавать все физическое превосходство Элизы, Джона и Джорджианы Рид. Все трое – Элиза, Джон и Джорджиана – сидели в настоящую минуту в гостиной вокруг своей матери. Она полулежала на диване около камина и, окруженная своими любимцами (случайно в эту минуту не ссорившимися и не кричавшими), имела совершенно счастливый вид. Меня она избавила от необходимости присоединиться к ним, говоря, что она очень сожалеет, но принуждена держать меня в отдалении, пока не услышит от Бесси и не убедится из собственных наблюдений, что я серьезно стараюсь стать более общительной и более похожей на ребенка, приобрести более привлекательные, живые и естественные манеры, более веселый и открытый нрав. До тех пор она принуждена лишить меня преимуществ, доступных только довольным и добрым детям.

– В чем же Бесси меня обвиняет? – спросила я.

– Джейн, я не люблю излишних вопросов, это прямо отвратительно, когда ребенок таким образом разговаривает со взрослыми. Сейчас же садись где-нибудь и молчи, если не умеешь разговаривать как следует.

К гостиной примыкала маленькая столовая, где обыкновенно только завтракали, – я прошмыгнула туда. В этой комнате стоял книжный шкаф. Выбрав себе огромную книгу с картинками, я направилась с ней в нишу окна, уселась на подоконнике, поджав и скрестив ноги, как турок, и спустила красивые шелковые занавеси. Теперь я чувствовала себя в полной безопасности. С одной стороны тяжелые складки ярко-красной драпировки скрывали меня от посторонних взоров, с другой стороны прозрачные стекла окон, защищая меня от непогоды, в то же время открывали взорам мрачный ноябрьский ландшафт. По временам, когда я переворачивала страницу, взгляд мой падал за окно. Вдали глаз не различал ничего, кроме бледного тумана и низко нависших облаков. Вблизи, перед домом, расстилалась мокрая лужайка, кустарники поминутно пригибались к земле под сильными порывами ветра, стылый ноябрьский дождь поливал их потоками. Я снова углубилась в свою книгу. Это была «История пернатых обитателей Англии». В сущности, меня мало занимал текст, но там было несколько вступительных страниц, на которых я, несмотря на мой детский возраст, не могла не остановиться. В них говорилось о местах, где находили себе приют морские птицы, об «уединенных скалах и утесах», единственными обитателями которых они были, о таинственной далекой Норвегии.

Не меньший интерес возбудило во мне описание суровых берегов Лапландии, Сибири, Шпицбергена, Новой Земли, Исландии, Гренландии – необозримых пространств северного пояса, угрюмых пустынных стран, где свили себе вечное гнездо холод и снег. Об этих мертвенно-белых пространствах у меня составилось своеобразное представление, неясное, смутное, как большинство представлений, зарождающихся в детском мозгу, но полное какой-то особенной прелести. В этой книге были картинки, и все в них получало в моих глазах особенное значение: и утес, одиноко возвышающийся среди пенящихся волн, и обломки разбитого

судна на пустынном берегу, и холодные призрачные лучи лунного света, пробивающиеся из-за туч и скользящие по мачтам потерпевшего крушение и медленно идущего ко дну корабля.

Не могу выразить, какое чувство возбуждала во мне картинка, на которой было представлено тихое, уединенное кладбище с надгробными надписями на памятниках, маленькая калитка, два дерева, низкий горизонт, ограниченный полуразрушенной оградой, и над всем этим серебристый серп месяца, возвещающий наступление ночи. Два корабля, застигнутые безветрием на совершенно неподвижном море, казались мне заколдованными морскими чудовищами. Из каждой картинки мое воображение извлекало целую захватывающую историю, такую же таинственную, как сказки Бесси, которые она рассказывала нам иногда долгими зимними вечерами, когда ей случалось быть в хорошем расположении духа. Обычно посреди детской ставили стол, на котором Бесси неторопливо разглаживала кружевные воланы платья миссис Рид и укладывала оборки ее ночных чепцов, а мы сидели вокруг и заворуженно слушали ее удивительные истории, старинные сказки и баллады.

Сидя у окна с огромной книгой на коленях, я была счастлива в тот день – счастлива по-своему. Я боялась только одного – чтобы кто-нибудь не нарушил моего уединения. К сожалению, мои опасения оправдались слишком скоро. Дверь в столовую открылась. – Эй! Госпожа мечтательница! – послышался голос Джона Рида, затем последовало молчание – он, очевидно, был удивлен, не увидев никого в комнате. – Где же она, черт возьми? Лиззи! Джорджи! – крикнул он с испугом. – Джейн здесь нет. Скажите маме, что она убежала под дождь – маленькая обезьяна!

«Хорошо, что я спустила занавеси», – подумала я, страстно желая, чтобы он не открыл моего убежища. Ему самому и не удалось бы его открыть – он не отличался особенной наблюдательностью и сообразительностью, но Элиза, просунувшая в эту минуту голову в дверь, сразу сказала:

– Она спряталась в нише окна, уверяю тебя, Джон.

Я сейчас же вылезла из своей засады: одна мысль о том, что Джон мог меня вытащить оттуда, заставляла меня дрожать.

– Что тебе нужно? – спросила я с напускным равнодушием. – Ты должна сказать: «Что вам угодно, мистер Рид?» – был ответ. – Мне угодно, чтобы ты подошла сюда.

Усевшись в кресло, он знаком велел мне подойти и встать перед ним. Джон Рид был мальчик четырнадцати лет (на четыре года старше меня, мне тогда было десять), очень большой и толстый для своего возраста, с нездоровым цветом кожи, грубыми чертами лица, тяжеловесным туловищем и крупными руками и ногами. Он обыкновенно слишком наедался за столом, отчего кожа у него приняла желтый цвет, щеки сделались вялыми, взгляд тупым и тусклым. Он должен был бы теперь быть в школе, но мать взяла его домой на месяц или на два «по причине его слабого здоровья». Учитель, мистер Майлс, утверждал, что Джон был бы совершенно здоров, если бы ему присылали из дому поменьше пирожных и сладостей. Но это бестактное мнение до глубины души возмутило материнское сердце миссис Рид. Она считала, что причина нездоровой желтизны лица заключалась в переутомлении ее единственного сына, а может быть, и в тоске по дому.

Джон не особенно любил мать и сестер, а меня терпеть не мог. Он мучил и наказывал меня, не два или три раза в неделю, не раз или два в течение дня – он мучил меня беспрестанно, каждый нерв во мне трепетал перед ним, каждый мускул моего тела дрожал при его приближении. Бывали минуты, когда ужас, который он мне внушал, лишал меня рассудка, я ни у кого не могла найти защиты от его угроз и оскорблений. Прислуга боялась обидеть своего молодого господина, принимая мою сторону против него, а миссис Рид была слепа и глуха во всем, что касалось ее сына. Она никогда не видела, когда он меня бил, не слышала, когда он меня оскорблял, хотя он часто делал и то и другое в ее присутствии, правда, еще чаще за ее спиной.

Я привыкла повиноваться ему и приблизилась к креслу. Он высунул свой длинный язык и в таком положении оставался две или три минуты. Я знала, что он сейчас ударит меня, но, несмотря на весь страх в ожидании этого удара, думала, какое безобразное и отвратительное зрелище представлял мой мучитель в эту минуту. Это впечатление, должно быть, отразилось на моем лице, потому что, не говоря ни слова, он внезапно и сильно ударил меня. Я зашаталась от удара, но все-таки удержалась на ногах, отступив на шаг или два от его кресла.

– Это тебе за дерзкий тон, которым ты говоришь с мамой, – сказал он, – и за твою скверную манеру прятаться за драпировки, и за взгляд, который я только что подметил в твоих глазах, ты, гадкая крыса!

Я привыкла к ругани Джона, и мне никогда не приходило в голову отвечать на бранные слова. Единственной мыслью в таких случаях было: как избежать удара, который неизменно следовал за бранью.

– Что ты делала за драпировкой? – спросил он.

– Я читала.

– Покажи мне книгу.

Я пошла к окну и достала книгу.

– Ты не имеешь права трогать наши книги. Мама говорит, что ты в этом доме живешь из милости, у тебя нет денег, твой отец ничего тебе не оставил. Ты должна просить милостыню, а не жить здесь с благородными детьми, как мы, есть то же, что мы едим, и носить платья, за которые платит наша мама. А теперь я тебе покажу, как рыться в моих книгах, потому что это мои книги, они принадлежат мне, весь дом принадлежит мне или будет мне принадлежать через несколько лет. Ступай и стань у двери, подальше от зеркала и окон.

Я повиновалась, не подозревая сначала его намерения, но, увидев, что он поднял книгу и прицеливается, инстинктивно отскочила в сторону с громким криком – увы, слишком поздно. Книга была брошена, попала в меня, и я упала, ударившись головой о дверь. Я почувствовала сильную боль, из раны потекла кровь, мной овладело чувство возмущения.

– Злой, жестокий мальчишка! – крикнула я. – Ты жесток, как убийца, ты жесток, как торговец невольниками, ты жесток, как римские императоры!

Я читала «Историю Рима» и составила себе собственное мнение о Нероне, Калигуле и прочих исторических фигурах. Мысленно я не раз делала сравнения, в которых никогда раньше не решалась признаться громогласно.

– Что-что? – вскрикнул Джон. – Это она мне говорит? Вы слышали, Элиза и Джорджиана? Я все расскажу маме! Но сперва... Он в бешенстве бросился на меня, схватил за волосы и за плечо, но неожиданно встретил во мне отчаянного противника. Я действительно видела в нем тирана, убийцу. Из раны на голове текла кровь, и я остро почувствовала несправедливость происходящего. Это чувство на минуту превозмогло даже страх, и я встретила нападение с безумным бешенством. Я не помню уже, что я делала, но он не переставал кричать «Крыса! Крыса!» и реветь во всю мочь.

Помощь скоро подоспела к нему: Элиза и Джорджиана побежали за миссис Рид, которая уже торопилась наверх. Она появилась в сопровождении Бесси и своей горничной Эббот. Нас разняли, я слышала восклицания:

– О господи! Что это за фурия! Как она бросилась на мистера Джона! Видел ли кто-нибудь подобное бешеное создание!

Затем миссис Рид прибавила:

– Отведите ее в красную комнату и запирайте ее там!

Четыре руки схватили меня и потащили наверх.

Глава II

Я отчаянно сопротивлялась – это было совершенно новое явление, которое еще более укрепило Бесси и Эббот в их дурном мнении обо мне. Дело в том, что я была вне себя. Я сознавала, что возмущение этой одной минуты навлечет на меня неслыханное наказание, но я дошла до крайней степени отчаяния и, подобно многим мятежным рабам, твердо решила идти напролом.

– Держите ее за руки, она точно дикая кошка. Стыдитесь, стыдитесь, мисс! – повторяла горничная. – Как не стыдно! Поднять руку на молодого хозяина, сына вашей благотельницы! Вашего господина!

– Господина! Какой он мне господин? Разве я служанка?

– Нет, вы хуже служанки, – возмущенно сказала Бесси. – Потому что вы ничего не делаете, вы не зарабатываете даже своего пропитания. Сядьте здесь, посидите и подумайте хоть немного о своей испорченности.

Они привели меня в комнату, указанную миссис Рид, и усадили на стул. Первым побуждением было сейчас же вскочить с места, но четыре руки держали меня как в тисках.

– Если вы не будете сидеть смирно, вас надо будет привязать к стулу, – сказала Бесси. – Мисс Эббот, одолжите мне свои подвязки, мои она мигом разорвет.

Эббот отвернулась, чтобы снять с себя упомянутую часть своего туалета. Они действительно собирались привязать меня. Это был бы новый, ужасный позор. Мое возбуждение моментально улеглось.

– Не делайте этого, – закричала я, – я буду сидеть спокойно!

В подтверждение своих слов я ухватила обеими руками за стул.

– Так-то лучше, – сказала Бесси. Убедившись, что я действительно смирилась, она перестала меня держать.

Скрестив руки, обе девушки стояли предо мною с мрачным и недоверчивым видом, как будто сомневаясь в моем здравом рассудке.

– Никогда раньше с ней этого не бывало, – проговорила наконец Бесси, повернувшись к Эббот.

– В ней всегда сидел бес, – последовал ответ. – Я не раз говорила госпоже свое мнение, и она со мной соглашалась. Девочка совершенно испорчена. Я еще не встречала ребенка ее возраста, в котором было бы столько скрытности.

Бесси ничего не ответила на эти слова и обратилась ко мне:

– Как не стыдно, мисс, – сказала она. – Вы всем обязаны миссис Рид, ведь она вас содержит. Если она отвернется от вас, вам придется идти в сиротский дом.

Слова Бесси не были для меня новостью. Вечные напоминания о моей зависимости от миссис Рид отдавались в ушах, как однообразный и смутный припев. Слушать их всегда было мучительно, но сути упреков я не улавливала в полной мере, поскольку была еще мала. Вслед за Бесси заговорила Эббот:

– Миссис Рид по доброте своей воспитывает вас вместе с молодыми хозяйками и мистером Джоном. Вы не ровня. Они со временем получают большое состояние, а у вас не будет ничего. Поэтому вы должны всегда оставаться скромной, почтительной и стараться быть им приятной.

– Все это мы говорим для вашей же пользы, – прибавила Бесси более мягким голосом. – Вы должны стараться быть полезной другим и доставлять им больше удовольствия, тогда, может быть, этот дом и станет для вас родным. Но если вы будете так вспыльчивы и дерзки, миссис Рид откажется от вас, я в этом уверена.

– Кроме того, – сказала мисс Эббот, – Бог накажет вас. Он может поразить вас смертью во время одной из ваших безумных выходов, куда вы попадете тогда? Пойдемте, Бесси, оставим ее здесь, я бы ни за что не хотела иметь такое жестокое сердце, как у нее. Советую вам помолиться, мисс Эйр, когда вы останетесь одна, потому что если вы не раскаетесь, то какое-нибудь чудовище явится через камин и унесет вас.

Они ушли и заперли за собою дверь.

Красная комната предназначалась для гостей. В ней редко кто-нибудь ночевал, за исключением тех случаев, когда по причине наплыва гостей в Гейтсхед-холле открывали все имевшиеся комнаты. А между тем это был один из самых больших и роскошных покоев во всем огромном доме.

Посреди комнаты стояла кровать с пологом, вся утопавшая в драпировках из темно-красной шелковой материи. Шторы на окнах были спущены и наполовину скрывались под складками того же тяжелого шелка. Мягкий красный ковер заглушал шаги. Стол у кровати был покрыт малиновой скатертью. Стены обиты светло-коричневой материей с нежным розовым рисунком. Платяной шкаф, туалетный стол, стулья – все было из темного полированного красного дерева. Только перины и подушки на кровати были накрыты дорогим белоснежным покрывалом. Не менее резко выделялось огромное мягкое кресло, покрытое белым чехлом. Мне оно представлялось каким-то волшебным тронem.

В комнате было холодно, потому что ее редко топили, в ней было тихо, так как она находилась далеко от детской и людских, в ней было мрачно и страшно, потому сюда редко заходили. Лишь по субботам служанка смахивала накопившуюся в течение недели пыль с мебели и зеркал, да изредка миссис Рид навещала красную комнату. Здесь находился потайной ящик с важными документами, лежала шкатулка с ее драгоценностями и небольшой портрет покойного мистера Рида.

Эти последние слова и объясняют тайну красной комнаты, то очарование, которым она была окружена и вследствие которого оставалась необитаемой, несмотря на свою величину и роскошное убранство. Со дня смерти мистера Рида прошло девять лет, в этой комнате он испустил дух, здесь его тело покоилось на смертном одре, отсюда гроб с его останками вынесли, чтобы похоронить в семейном склепе.

Уходя, Бесси и раздраженная мисс Эббот усадили меня на низкий стул, который стоял недалеко от белого мраморного камина. Передо мной возвышалась кровать, направо от меня стоял огромный темный платяной шкаф, полированная поверхность которого слабо светилась в полумраке, налево находились завешенные окна, большое зеркало между ними отражало в себе все мрачное величие этой огромной кровати и комнаты. Я была не совсем уверена, что мои тюремщицы заперли дверь на замок. Наконец я решилась двинуться с места и направилась к двери, чтобы убедиться, заперта ли она. Увы! Ни одна тюрьма не могла быть заперта крепче.

Возвращаясь на свое место, я остановилась перед зеркалом. Мой взгляд невольно приковался к нему, стараясь проникнуть в самую его глубь. Все в этой обманчивой глубине казалось холоднее и мрачнее, нежели в действительности. Я смотрела на странную маленькую фигуру в зеркале. Из мрака резко выступали бледное лицо и руки, беспокойно двигались расширенные от ужаса глаза. Среди полной неподвижности окружающего мое отражение казалось настоящим привидением. Мне пришли на ум крохотные сказочные существа, эльфы или домовые, о которых нам рассказывала Бесси. Они всегда являлись из глубины поросших папоротником лощин и мрачных непроходимых болот и неожиданно показывались взорам заблудившегося путника.

Я вернулась на свое место. На меня напал суеверный страх, но в эту минуту он еще не вполне овладел мной. Кровь продолжала кипеть во мне, я была полна бессильной ярости возмущенного раба. Прежде чем осознать свое безотрадное настоящее, я должна была справиться с бурным напором мятежных мыслей о прошлом.

Дикая тирания Джона Рида, высокомерное равнодушие его сестер, ненависть его матери, пристрастное отношение слуг – все это поднялось из глубины моего возмущенного сердца, как мутный осадок со дна колодца. За что я должна была вечно страдать, за что меня всегда презирали, всегда обвиняли, всегда осуждали? Почему все, что я делала, было не так? Почему всякая моя попытка приобрести чью-либо благосклонность была бесполезна и безуспешна? Упрямую и себялюбивую Элизу уважали. К дерзкой и сварливой Джорджиане, которая вечно была не в духе, все относились снисходительно. Ее красота, ее розовые щеки и золотистые локоны приводили всех в восхищение и, казалось, заранее обещали прощение всем ее недостаткам. Джону никогда никто не противоречил, его никогда не наказывали, хотя он калечил голубей, убивал молодых цыплят, науськивал собак на овец, срывал все ягоды с виноградных лоз и обламывал почки самых дорогих цветов в оранжерее. Он называл свою мать «милой старушкой», подчас подсмеивался над смуглым цветом ее лица, похожим на его собственный, не обращал ровно никакого внимания на ее желания, нередко рвал и портил ее шелковые платья – и все-таки он был «ее дорогим любимцем».

Я же всячески остерегалась совершить какую-нибудь оплошность, старалась добросовестно исполнять все свои обязанности, но меня называли дурной и несносной, надутой и хитрой с утра до вечера. Из раны на голове у меня еще сочилась кровь, но никто не упрекнул Джона за то, что он без причины бил меня. А я навлекла на себя всеобщее негодование только за то, что осмелилась восстать против него, чтобы защититься от его дикого насилия. «Это несправедливо! Несправедливо!» – говорил мне рассудок. Мучительное напряжение сил придало мне почти взрослую рассудительность. Самые необыкновенные способы избавления от гнета бродили в моей голове – бежать из дома или вовсе отказаться от пищи и умереть голодной смертью.

Как ужасно было состояние моей души в этот пасмурный день! Мой мозг был полон возмущения, сердце полно горечи! Я искала и не находила ответа на вопрос, неумолчно раздававшийся в моей душе: «За что я столько страдаю?» По прошествии многих лет ответ мне вполне ясен. Я была чужой в Гейтсхеде и непохожей на его обитателей. У меня не было ничего общего ни с миссис Рид, ни с ее детьми, ни с ее угодливыми слугами. Они меня не любили, но и я их не любила. Как они могли примириться с существом, которое ни с кем из них не находило общий язык? Мой характер, способности и склонности им не соответствовали. Я была не только бесполезной для них, но даже враждебной – не одобряла их поступки, презирала взгляды. Возможно, будь у меня более живой, беспечный характер, более привлекательная наружность, миссис Рид охотнее терпела бы меня у себя, ее дети показывали бы больше сердечности, а слуги были бы менее склонны делать меня козлом отпущения в детской.

Дневной свет мало-помалу исчезал из красной комнаты, наступал вечер, и темные сумерки сменили пасмурный день. С лестницы до меня доносился стук дождя по стеклам окон, ветер завывал в трубе и шумел деревьями в аллее, тянувшейся за домом. Я совсем замерзла и потеряла мужество. Мною снова овладело обычное состояние духа, в котором соединялись самые разнообразные чувства – унижения, сомнения в самой себе, беспомощности и уныния. «Может быть, они правы, называя меня злой – ведь явилась же у меня мысль покончить с собой?» Это была, несомненно, преступная мысль. Склеп под алтарем гейтсхедской церкви вовсе не казался мне таким уж привлекательным местом. Я знала, что в этом склепе был похоронен мистер Рид. Эта мысль навела меня на воспоминания о нем, вызвавшие невольный ужас.

Я не помнила мистера Рида, но знала, что он был моим родным дядей – единственным братом моей матери. Он взял меня к себе в дом, когда я осталась круглой сиротой, и в последние минуты своей жизни взял с миссис Рид обещание содержать и воспитывать меня, как своих собственных детей. Пожалуй, миссис Рид сдержала это обещание, насколько могла. Но она не любила меня. Между нами не осталось родственных уз после смерти мистера Рида. Как тягостно, должно быть, переносить присутствие чуждого существа в тесном семейном

кругу, сознавать себя связанной обещанием заменить родителей чужому ребенку, которого не можешь любить. Я никогда не сомневалась, что если бы мистер Рид был жив, он относился бы ко мне с любовью и добротой.

В таинственной красной комнате по стенам уже расползались ночные тени. Я со страхом перебирала в памяти все, что слышала о покойниках, встревоженных нарушением их предсмертной воли и возвратившихся на землю, чтобы отомстить за оскорбленных и угнетенных. И мне представилось, что дух мистера Рид, возмущенный несправедливостями, которые выпали на долю его племянницы, может покинуть свое обиталище в загробном мире и предстать в этой комнате.

Я осушила слезы и подавила рыдания. Я боялась, что мое бурное горе пробудит потусторонний голос, который обратится ко мне со словами утешения. Я боялась увидеть, как надо мной наклоняется чье-то лицо, выходящее из мрака и окруженное сиянием, пусть даже в его чертах будет сострадание и участие. Это явление, столь утешительное в воображении, привело бы меня в ужас, если бы оно осуществилось, и я употребила все усилия, чтобы помешать этому. Всем напряжением своей воли я постаралась остаться твердой и не впасть в отчаяние. В эту минуту что-то скользнуло по стене. Был ли это луч лунного света, проникший сквозь щель в шторе окна? Нет, лунный свет неподвижен, а этот свет колебался. Я не сводила с него глаз. Вдруг он скользнул со стены на потолок и задрожал над моей головой.

Размышляя впоследствии, через много лет, об этом событии, я пришла к выводу, что скорее всего это был отблеск фонаря, с которым кто-то прошел по лужайке. Но тогда мои нервы были перевозбуждены, воображение приготовилось к любым ужасам. Я подумала, что этот луч света явился предвестником какого-нибудь видения из иного мира. Мое сердце громко колотилось, кровь бросилась в голову, шум в ушах я приняла за шелест невидимых крыльев. Мне казалось, что-то стоит рядом, что-то давит, я задыхалась, самообладание совершенно покинуло меня. Я бросилась к двери и начала отчаянно стучать. Снаружи послышались шаги, ключ в замке шелкнул, Бесси и мисс Эббот вошли в комнату.

– Мисс Эйр, вы больны? – сказала Бесси.

– Что это за шум? Вы весь дом переполошили! – воскликнула Эббот.

– Заберите меня отсюда! Позвольте мне идти в детскую! – вырвался у меня вопль.

– Почему? Что случилось? Вы разве видели что-нибудь? – спросила опять Бесси.

– О, я видела свет, и мне показалось, что привидение идет! – я схватила Бесси за руку, и она не отнимала ее.

– Она нарочно подняла этот шум! – объявила Эббот с гримасой отвращения. – И что за крик! Если бы у нее что-нибудь болело, то это было бы еще извинительно, но она просто хотела, чтобы все сбежались сюда. Я знаю ее скверные, хитрые выдумки!

– Что это значит? – раздался повелительный голос, и в коридоре, шумя платьем, появилась миссис Рид, ленты ее чепца развевались. – Эббот и Бесси, мне кажется, я приказала оставить Джейн в красной комнате до тех пор, пока сама не приду за ней. – Мисс Джейн так громко кричала, сударыня, – сказала Бесси тоном извинения.

– Оставьте ее! – был единственный ответ. – Выпусти руку Бесси, Джейн, такие средства тебе не помогут, можешь быть в этом уверена. Я ненавижу хитрость, особенно в детях, моя обязанность показать тебе, что хитростью ты ничего не поделаешь. Ты останешься здесь часом дольше, чем было раньше решено, а после этого я тебя освобожу только под условием беспрекословного послушания и полного спокойствия.

– О тетя, сжальтесь надо мной! Простите меня! Я не могу этого переносить – накажите меня как-нибудь иначе! Я умру, если... – Замолчи! Это буйство в ребенке отвратительнее всего.

Мой характер, без сомнения, внушал ей чувство отвращения. Она искренно считала меня несдержанной, злобной, лицемерной натурой.

Бесси и Эббот ушли. Я совершенно обезумела от отчаяния. Мой безумный страх и судорожные рыдания вывели из терпения миссис Рид, и она, не говоря ни слова, повернула меня и толкнула в красную комнату. Я слышала, как она заперла дверь и ушла. После ее ухода, должно быть, со мной сделался нервный припадок, и я лишилась чувств.

Глава III

Что произошло потом – я не знаю. Помню, что проснулась точно от ужасного кошмара, перед глазами у меня стоял ослепительно яркий красный свет, перерезанный широкими черными полосами. До ушей смутно доносились голоса, как бы заглушаемые ревом ветра или шумом падающей воды. Ужас, волнение, неизвестность туманили мне голову. Вскоре я почувствовала, как кто-то дотронулся до меня, поднял и привел в сидячее положение. Прикосновения были нежными и осторожными, до сих пор никто так не ухаживал за мной. Я прислонилась головой к подушке или чьей-то руке и чувствовала себя в таком положении очень хорошо. Но прошло минут пять, и туман, заволакивавший мой рассудок, рассеялся. Я ясно увидела, что нахожусь в детской, в своей собственной кровати, и что ослепительный красный свет исходит из камина.

Была ночь, на столе горела свеча. Бесси стояла у кровати с тазом в руке, а какой-то господин, сидевший на стуле у изголовья, наклонялся надо мной. Сознание, что в комнате находится чужой человек, не принадлежащий ни к обитателям Гейтсхеда, ни к родственникам миссис Рид, доставило мне невыразимое облегчение и возбудило отрадное чувство безопасности. Отвернувшись от Бесси – хотя ее присутствие было мне гораздо менее неприятно, чем присутствие мисс Эббот, – я стала всматриваться в лицо господина, сидевшего около меня.

Я знала его: это был мистер Ллойд, аптекарь, которого миссис Рид звала иногда, когда заболел кто-нибудь из слуг. Для себя и детей она всегда прибегала к помощи врача.

– Ну, кто я? – спросил он.

Я произнесла его имя и протянула руку. Он взял ее, улыбаясь, и сказал:

– Ну, теперь мы понемножку начнем поправляться.

Затем он снова уложил меня и, обратившись к Бесси, поручил ей соблюдать величайшую осторожность и не тревожить меня ночью. Дав ей еще несколько наставлений и обещав прийти на другой день, он ушел, к моему большому огорчению. Пока он сидел на стуле у изголовья моей постели, я чувствовала себя под его защитой и покровительством, но когда дверь за ним закрылась, вся комната погрузилась в мрак, и сердце у меня снова защемило, невыразимая тяжесть легла мне на душу.

– Не хочется ли вам спать, мисс? – спросила меня Бесси необыкновенно мягко.

Я едва решилась ей ответить, я боялась через минуту опять услышать от нее обращение в обычном грубом тоне.

– Попробую, – проговорила я.

– Не хотите поесть или попить воды?

– Нет, спасибо, Бесси.

– Ну, если так, я пойду спать, уже поздно. Зовите, если что-нибудь понадобится ночью. Что за необыкновенная заботливость! Я решилась обратиться к ней с вопросом.

– Бесси, что со мной? Я больна?

– Я думаю, что вы заболели от крика в красной комнате, но вы скоро поправитесь.

Бесси вышла в соседнюю людскую. Я слышала, как она сказала: – Сара, спи со мной эту ночь в детской. Ни за что в жизни я не решусь остаться с бедным ребенком всю ночь одна, она может еще умереть. Как странно, что с ней случился такой припадок! Интересно, что ей привиделось? Все-таки миссис Рид была чересчур строга на этот раз.

Она вернулась в комнату вместе с Сарой, они обе улеглись, но еще с полчаса шептались, пока не заснули. До меня долетали обрывки их разговора, из которых я легко могла догадаться о том, что составляло предмет их обсуждения.

– Что-то, сверху донизу в белом, прошло мимо нее... Огромная черная собака за ним... Три громких удара в дверь... Свет как раз над его могилой... – и так далее, и так далее.

Наконец они заснули, огонь в камине и свеча погасли. Я не сомкнула глаз всю ночь, часы тянулись для меня бесконечно. Зрение, слух, воображение – все во мне было напряжено до крайней степени, я вся была объята ужасом, тем ужасом, который могут испытывать только дети.

После приключения в красной комнате физически я не пострадала и не заболела. Но нервы мои были настолько потрясены, что и до сих пор я чувствую последствия этого происшествия. Да, миссис Рид, вам я обязана многими часами душевных страданий. Но я должна простить вас, ибо вы не ведали, что творили. Терзая каждый нерв моего сердца, вы думали, что лишь искореняете дурные наклонности.

На следующий день около полудня я сидела у камина в детской, одетая и закутанная в шаль. Я чувствовала себя слабой и совершенно разбитой, но мучительнее всего было невыразимое душевное страдание – страдание, выжимавшее из глаз моих молчаливые слезы. Не успевала я стереть со щеки одну соленую каплю, как за ней следовала другая. И все-таки я могла бы считать себя счастливой в эту минуту, потому что вокруг меня не было никого из моих мучителей. Миссис Рид выехала со всеми детьми в коляске на прогулку. Мисс Эббот шла в одной из отдаленных комнат, а Бесси, передвигаясь по детской, убирала игрушки и приводила в порядок ящики комода, иногда обращаясь ко мне с ласковым словом.

Мне, привыкшей к бесконечным упрекам и тяжелой сиротской доле, это положение вещей должно было бы казаться раем. Но на самом деле мои измученные нервы находились теперь в таком состоянии, что доброе участие не успокаивало и не вызывало приятного возбуждения. Бесси вернулась из кухни с куском пирога, который она принесла для меня на пестрой фарфоровой тарелке. Эта тарелка с нарисованной на ней райской птицей, устраивающей свое гнездышко среди выюнков и розовых бутонов, всегда возбуждала во мне чувство величайшего восхищения. Сколько раз я просила позволения взять ее в руки, чтобы лучше рассмотреть, но до сих пор меня всегда считали недостойной такой высокой милости.

Теперь эта драгоценная тарелка была у меня на коленях, и мне любезно предложили съесть лежащий на ней кусок сладкого пирога. Несвоевременная щедрость! Она явилась слишком поздно, подобно многим другим страстно желаемым и недоступным милостям. Аппетита у меня не было, а перья райской птицы и краски цветов показались потускневшими. Я поставила тарелку в сторону.

Бесси спросила меня, не хочу ли я почитать. На минуту я обрадовалась и попросила достать из библиотеки «Путешествие Гулливера». Я раньше читала и перечитывала эту книгу с восторгом. Я была твердо убеждена, что в ней рассказываются действительные происшествия, и она возбуждала во мне гораздо более глубокий интерес, нежели волшебные сказки. После того как я напрасно искала эльфов среди цветов и травы, под грибами и между развалинами старых, разрушенных, поросших плющом стен, я в конце концов примирилась с грустной истиной, что эти волшебные существа покинули Англию, чтобы поселиться в какой-нибудь неведомой стране, где мало людей и леса гуще, непроходимее и таинственнее. Лилипуты и великаны, напротив, казались мне вполне реальным племенем, живущим на земной поверхности. Я не сомневалась в том, что в один прекрасный день, если только отправлюсь в далекое путешествие, собственными глазами увижу в стране лилипутов маленькие поля, дома и деревья, крохотных человечков, едва видных коров, овец и птиц, а в стране великанов – поля высотой с лес, огромных собак, чудовищных кошек и громадных мужчин и женщин. Однако теперь, когда любимая книга очутилась у меня на руках и я начала перелистывать ее страницы, стараясь отыскать в причудливых картинках прежнее очарование, все показалось мне скучным и угрюмым. Сам Гулливер представлялся мне унылым странником в пустынных и мрачных областях. Я закрыла книгу, не решаясь больше рассматривать ее, и положила на стол рядом с нетронутым пирогом. Бесси покончила с уборкой комнаты и, умыв руки, открыла один из ящиков комода, весь наполненный великолепными лоскутьями шелка и бархата. Выбрав под-

ходящие куски, она начала шить новую шляпу для куклы Джорджианы, сопровождая свою работу пением. Песни Бесси показались мне такими печальными, что я не смогла сдержать рыдания.

– Полно, мисс Джейн, не плачьте, – сказала Бесси, кончив петь. Она могла бы с таким же успехом сказать огню в камине: «Не гори!» Могла ли она догадаться о той невыразимой муке, которая терзала мое сердце?

Мистер Ллойд сдержал обещание и пришел снова.

– Как, уже на ногах! – сказал он, входя в детскую. – Ну, няня, как она поживает?

Бесси ответила, что я чувствую себя вполне хорошо.

– Но тогда она должна выглядеть веселее. Пойдите сюда, мисс Джейн, ведь ваше имя Джейн, не правда ли?

– Да, сэр, Джейн Эйр.

– Вы плакали, мисс Джейн. Можете вы мне сказать, о чем? У вас что-нибудь болит?

– Нет.

– Наверное, она плакала от того, что миссис Рид не взяла ее с собой на прогулку в коляске, – вмешалась Бесси.

– Да нет, не может быть. Она уже взрослая девочка, чтобы вести себя так глупо.

Я была того же мнения. Мое самолюбие было задето ложным обвинением, и я поспешно ответила:

– Я никогда в жизни не плакала о таких пустяках. Я ненавижу прогулки в коляске. Я плакала оттого, что несчастна.

– Стыдитесь, мисс! – сказала Бесси.

Добрый аптекарь пришел в некоторое замешательство. Я стояла перед ним, он устремил на меня пристальный взгляд. У него были маленькие серые глаза, черты лица были резкими, но вид у него был добродушный. Посмотрев мне внимательно в лицо, он спросил:

– Что с вами случилось вчера, отчего вы заболели?

– Она упала, – опять вмешалась Бесси.

– Упала? Точно маленький ребенок! Разве она не умеет ходить как следует? Ведь ей, должно быть, восемь или девять лет? – Меня толкнули, – был резкий ответ, вырвавшийся у меня под влиянием оскорбленной гордости, – но я не оттого заболела, – прибавила я, глядя на мистера Ллойда, который медленно засовывал в нос щепотку табаку.

В ту минуту, как он прятал табакерку в карман своего жилета, раздался громкий звонок, сзывавший слуг к обеду. Мистер Ллойд знал, что означал этот звонок.

– Это вас зовут, няня, – сказал он, – вы можете сойти вниз, а я тем временем дам мисс Джейн несколько наставлений.

Бесси охотнее осталась бы в детской, но она должна была идти, потому что аккуратное появление к столу строго требовалось в этом доме.

– Вы заболели не от падения, так от чего же? – спросил меня мистер Ллойд, когда Бесси ушла.

– Меня заперли в темной комнате, где обитает привидение.

Мистер Ллойд улыбнулся и нахмурился в одно и то же время. – Привидение? Все-таки вы совсем еще маленькая девочка. Вы что, боитесь привидений?

– Да, я боюсь духа мистера Рида: он умер в той комнате и лежал там в гробу. Ни Бесси и никто другой не ходит туда ночью без особенной необходимости. Это было жестоко – запереть меня там одну без огня, так жестоко, что я этого никогда, никогда не забуду.

– Глупости! И это вас делает такой несчастной? Разве теперь, при дневном свете, вы тоже боитесь?

– Нет, но скоро снова настанет ночь, и кроме того... я несчастна... очень несчастна... из-за других причин.

– Из-за каких других причин? Вы не можете мне сказать?

О, как страстно я желала ответить откровенно на этот вопрос, и как трудно это было сделать! Дети умеют чувствовать, но они не в состоянии называть чувства своими именами, и если им даже удастся мысленно разобраться в себе, то они не умеют выразить этого словами. Однако я боялась упустить этот первый и единственный случай облегчить сердце, поделившись с кем-нибудь своим горем. После непродолжительного тревожного молчания мне удалось найти очень неполный, но правдивый ответ.

– Во-первых, у меня нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер.

– У вас есть добрая тетя и двоюродный брат и сестры.

Я снова остановилась, затем у меня вырвалось:

– Но Джон Рид сшиб меня с ног, а тетя заперла меня в красной комнате!

Мистер Ллойд снова завозился с табакеркой.

– Вы не находите, что Гейтсхед-холл очень красивый дом? – спросил он. – Разве вы не чувствуете благодарности за то, что можете здесь жить?

– Это не мой дом, и горничная говорит, что я имею меньше права находиться здесь, чем любая служанка.

– Пустяки! Вы же не хотите покинуть такое великолепное место?

– Если бы только мне было куда пойти, я была бы рада уйти отсюда, но не могу никуда уйти из Гейтсхеда, пока не стану взрослой.

– Может быть, это и возможно – кто знает? Есть у вас еще какие-нибудь родственники, кроме миссис Рид?

– Кажется, нет.

– Никого со стороны вашего отца?

– Я не знаю, я спросила раз тетю Рид, и она сказала, что, может быть, у меня и есть какие-нибудь бедные, простые родственники по имени Эйр, но она ничего о них не знает.

– Если бы у вас были такие родственники, вы бы хотели пойти к ним?

Я задумалась. Бедность кажется ужасной и взрослым людям, а тем более детям, которые совершенно не имеют представления о деятельной, трудовой, заслуживающей уважения жизни. Со словом «бедность» у них связано лишь представление об изорванных платьях, скудной пище, нетопленных печах, грубых манерах и низких пороках. В бедности было для меня что-то унижительное.

– Нет, я бы не хотела жить у бедных людей, – был мой ответ. – Даже если бы они были к вам добры?

Я покачала головой. Я не могла понять, как бедные люди вообще могут быть добрыми. Мне на ум пришли те женщины, что живут в деревне за Гейтсхед-холлом. Я не раз видела, как они укачивают детей и стирают тряпье у дверей хижин. Нет, во мне было слишком мало мужества для того, чтобы такой ценой купить себе свободу.

– Разве ваши родственники так бедны?

– Я не знаю. Тетя Рид говорит, что если у меня есть какие-нибудь родственники, то это, наверное, нищие. А я не хочу нищенствовать.

– Хотели бы вы ходить в школу?

Я снова задумалась. У меня было смутное представление о том, что такое школа. Бесси иногда говорила, что в школе молодым девицам прививают изысканные манеры и аккуратность строгой дисциплиной. Джон Рид ненавидел школу, где учился, он часто обманывал своих учителей. Но вкусы и взгляды Джона Рида для меня не являлись примером для подражания. Бесси была в восторге, рассказывая о талантах и умениях, приобретенных в школе девушками, у которых она раньше служила. Она с гордостью говорила о прекрасных пейзажах и натюрмортах, которые они умели рисовать, об их замечательном пении, знании иностранных языков, умении шить и играть на фортепиано. Ее рассказы возбудили во мне желание научиться тому

же. Кроме того, школа означала полную перемену, с ней было связано длинное путешествие, разлука с Гейтсхед-холлом и вступление в новую жизнь.

– Да, я хотела бы поступить в школу, – был выраженный вслух результат моих размышлений.

– Что ж, кто знает, что еще может случиться, – сказал мистер Ллойд, вставая. – Этот ребенок нуждается в перемене воздуха и обстановки, – проговорил он про себя. – Нервы его в скверном состоянии.

В это время Бесси вернулась, в ту же минуту послышался стук колес по утрубованной дороге.

– Это вернулась ваша хозяйка, няня? – спросил мистер Ллойд. – Я бы хотел поговорить с ней перед уходом.

Бесси проводила его в столовую. На основании дальнейших событий я предполагаю, что в разговоре с миссис Рид аптекарь решил посоветовать ей отправить меня в школу. Этот совет был принят, без сомнения, очень охотно, как сказала мисс Эббот однажды вечером, когда они с Бесси занимались шитьем в детской и разговаривали обо мне, думая, что я уже сплю.

– Госпожа очень рада избавиться от такого несносного, скверного ребенка, который смотрит на всех, точно хочет подстеречь в чем-нибудь, и у которого всегда в голове какие-нибудь тайные замыслы.

Из этого разговора мисс Эббот с Бесси я узнала, что отец мой был бедный священник, что моя мать вышла за него замуж против воли родных, которые смотрели на этот брак как на унижение для их семьи, что мой дедушка Рид был так возмущен непослушанием своей дочери, что лишил ее наследства. Через год после женитьбы мой отец подхватил тиф во время посещения бедных в большом фабричном городе, где находился его приход и где тогда свирепствовала эта болезнь, что моя мать заразилась от него и умерла через месяц после похорон мужа.

Выслушав этот рассказ, Бесси вздохнула и сказала:

– Бедная мисс Джейн, ее все-таки жалко.

– Да, – ответила Эббот, – если бы она была милым, добрым, красивым ребенком, то ее надо было бы пожалеть, но к такой противной, хитрой девчонке, право, нельзя относиться с участием.

– Да, конечно, – подтвердила Бесси, впрочем, без уверенности в голосе.

– Бесси, я бы не прочь поесть сегодня гренков с сыром на ужин.

– И я тоже... с поджаренным луком. Пойдемте, мисс Эббот, посмотрим, что делается на кухне.

Они ушли.

Глава IV

Из разговора с мистером Ллойдом и из вышеприведенной беседы между Бесси и Эббот я почерпнула достаточно надежды на лучшее будущее, для того чтобы желать скорейшего выздоровления. В судьбе моей, казалось, предстояла перемена – я ждала ее молча и терпеливо. Однако дело затянулось, дни и недели проходили, мое здоровье пришло в обычное состояние, но ничто не указывало на близкое исполнение того, о чем я не переставала мечтать. Миссис Рид по временам устремляла на меня строгий и пристальный взор, но редко обращалась ко мне. Со времени моей болезни она старалась держать меня в еще большем отдалении от своих собственных детей. Мне отвели маленькую комнатку, где я спала одна, обедала и ужинала я отдельно от других. Весь день я проводила в детской, между тем как мои двоюродные сестры и брат находились в гостиной.

Ни одним словом она не намекала на свое намерение отправить меня на воспитание в школу, но я инстинктивно чувствовала, что недолго мне придется жить с ней под одной кровлей. Взгляд ее, обращенный на меня, теперь более чем когда-либо выражал непреодолимое и неискоренимое отвращение. Элиза и Джорджиана, очевидно, повинуясь полученным приказаниям, избегали говорить со мной. Джон показывал мне язык при каждой встрече и раз даже попытался снова пустить в дело руки, но я мгновенно повернулась к нему с таким выражением бешеной ярости и с такой готовностью отчаянного сопротивления, что он счел за лучшее отступить. Он убежал, испуская проклятия и крича, что я ему расшибла нос. Я действительно направила на эту выдающуюся часть его лица такой сильный удар, на какой были способны мои пальцы.

Я слышала, как, прибежав к матери, он стал рассказывать ей плаксивым голосом, что эта гадкая Джейн бросилась на него, как бешеная кошка. Но мать прервала его строго:

– Не говори мне о ней, Джон, я сказала тебе, чтобы ты не подходил к ней, она не достойна твоего внимания. Я не хочу, чтобы ты или твои сестры знали с ней.

Услышав это, я перегнулась через перила лестницы и, совершенно не отдавая себе отчета в том, что делаю, крикнула:

– Это они недостойны находиться в моем обществе.

Миссис Рид была довольно полная женщина, однако, услышав эти странные и дерзкие слова, она проворно взбежала по лестнице, как вихрь втащила меня в детскую и, прижав к кровати, строго запретила двигаться с места или произносить хоть одно слово в течение дня.

– Что бы сказал дядя Рид, если бы он был жив? – проговорила я почти невольно.

Я говорю «почти невольно», потому что язык мой, казалось, произносил слова совершенно помимо моего сознания, мною руководило что-то, не поддававшееся моей воле. – Что?! – проговорила миссис Рид шепотом.

В ее обыкновенно холодных, спокойных серых глазах промелькнуло что-то похожее на испуг, она выпустила мою руку и смотрела на меня, как будто действительно сомневаясь, кто стоит перед ней – ребенок или дьявол. Я собралась с духом.

– Дядя Рид находится на небе и может видеть все, что вы делаете и что думаете, и папа и мама тоже, они знают, что вы меня запираете на целый день и что вы хотели бы, чтобы я умерла.

Миссис Рид скоро овладела собой. Она с яростью затрясла меня за плечи, дала две пощечины и вышла, не сказав ни слова. Этот пробел восполнила Бесси, читавшая мне нравоучение в течение целого часа. Причем она старалась доказать мне, что я самый дурной и негодный ребенок, какой когда-либо существовал. Я наполовину согласилась с ней, в эту минуту ясно сознавая, что в моей груди бушевали дурные чувства. Ноябрь, декабрь и половина января миновали. Рождество и Новый год праздновали в Гейтсхеде с обычным весельем, щедро раздавались подарки, беспрестанно устраивались обеды и вечера. Я, конечно, была исключена из

всех этих удовольствий. Мое участие в них заключалось единственно в том, что я ежедневно смотрела на Элизу и Джорджиану, когда они спускались в гостиную, нарядные, в своих воздушных кисейных платьях с кокетливыми поясками, с тщательно завитыми волосами. А позже я прислушивалась к звукам фортепиано или арфы, доносившимся снизу, к торопливым шагам лакеев и буфетчика, к звону стаканов, стуку тарелок и к гулу голосов, долетавшему из гостиной всякий раз, когда открывались и закрывались двери. Когда я уставала от этого занятия, я покидала свой пост на лестнице и возвращалась в пустую и тихую детскую, там я не чувствовала себя несчастной, даже если мною подчас овладевала грусть.

В сущности, у меня не было ни малейшего желания сойти вниз к гостям, потому что в обществе я большей частью оставалась незамеченной. Если бы Бесси была хоть немного добрее и приветливее, для меня было бы гораздо большим наслаждением проводить вечера спокойно с ней, нежели в гостиной, наполненной разряженными дамами и господами, под суровыми взглядами миссис Рид. Но Бесси, кончив одевать барышень, сама спешила спуститься в кухню или комнату экономки и обычно уносила с собой лампу. Тогда я с куклой на коленях сидела у камина, пока огонь в нем не гас, и боязливо озиралась кругом, чтобы удостовериться, что никого, кроме меня, нет в темной комнате. Когда весь уголь в камине выгорал и оставалась только красная тлеющая кучка пепла, я торопливо раздевалась, дергая нетерпеливо шнурки и пуговицы своего платья, и искала убежища от холода и мрака в своей маленькой кровати.

Я неизменно брала с собой в постель куклу. Каждое человеческое существо должно непременно любить кого-нибудь, и за неимением более достойного предмета любви я находила удовлетворение в привязанности к безобразной деревянной кукле. Мне теперь кажется непонятной и странной эта глубокая и искренняя любовь к игрушке, которую я представляла себе живым существом, способным чувствовать и разделять мои чувства. Я никогда не засыпала, не завернув ее в свою ночную рубашку. Только убедившись, что она лежит в тепле и покое, я чувствовала себя сравнительно счастливой, потому что верила, что и она счастлива.

Какими долгими казались мне часы, когда я ждала ухода гостей и прислушивалась, не раздадутся ли шаги Бесси на лестнице. Иногда она подымалась вверх за своим наперстком или ножницами или приносила мне что-нибудь к ужину – кусок пирога или ватрушку. Тогда она садилась на край моей кровати и смотрела, как я ем, а после этого заворачивала меня в одеяло, два раза целовала и говорила: «Спокойной ночи, мисс Джейн». Когда она была так ласкова, она казалась мне самым лучшим, самым красивым, самым добрым существом на свете, и я от всей души желала, чтобы она всегда оставалась такой милой и приветливой и никогда больше не награждала меня тумаками, бранью и несправедливыми обвинениями, как это с ней часто случалось. Бесси была от природы щедро одарена: за что она ни бралась – все делала ловко и проворно, кроме того, она обладала удивительным искусством рассказчика. Так я сужу по крайней мере по тому впечатлению, какое производили на меня ее сказки. Она была красива, если меня не обманывают мои воспоминания. В них она представляется мне стройной молодой девушкой с черными волосами и темными глазами, очень красивыми чертами и хорошим, здоровым цветом лица. Но у нее был капризный и нетерпеливый характер и весьма смутные понятия о справедливости. Однако, несмотря на все это, я предпочитала ее всем обитателям Гейтсхед-холла.

Это было 15 января, около девяти часов утра. Бесси сошла вниз завтракать. Элиза как раз надевала шляпу и теплый садовый плащ, собираясь спуститься в птичник кормить птиц, – занятие, которое она исполняла почти с таким же удовольствием, с каким продавала яйца экономке и копила вырученные за них деньги. У нее была некоторая склонность к торговле и сильно выраженная страсть к накоплению. Это сказывалось не только в увлечении, с каким она продавала яйца и цыплят, но и в том, как она торговалась с садовником из-за луковиц, семян и молодых отростков. Наш садовник получил от миссис Рид приказание покупать у барышень все, что производит их цветник, все, что они пожелают ему продать. Элиза была готова продать

каждый волос со своей головы, если это приносило ей выгоду. Вырученные деньги она прятала по углам, заворачивая их в лоскутья и обрывки бумаги. Несколько раз горничная случайно обнаруживала сокровища, и поэтому Элиза, в страхе потерять все свое имущество, доверила его матери под необыкновенно высокие проценты. Каждые три месяца она собирала доходы со своего капитала и тщательно вносила их в маленькую записную книжку. Джорджиана сидела на высоком стуле, причесывая перед зеркалом волосы и вплетая в них искусственные цветы и вылинявшие перья, огромный запас которых она нашла в ящике на чердаке.

Я убирала постель, спеша исполнить приказание Бесси покончить с этим до ее прихода (Бесси теперь часто пользовалась мной как подгорничной, заставляла меня убирать комнату, смахивать пыль с мебели и т. д.). Расправив одеяло и сложив ночную рубашку, я подошла к окну, чтобы привести в порядок разбросанные на подоконнике альбомы и кукольную мебель, но резкое приказание Джорджианы не трогать ее игрушек (крохотные стулья, зеркала и миниатюрные тарелки и чашки были ее собственностью) остановило меня.

За неимением другого дела я начала дышать на ледяные цветы, разукрасившие стекла окон, чтобы очистить себе маленькое пространство и смотреть сквозь него на занесенные снегом и помертвевшие от сильных морозов поля. Из этого окна был виден домик привратника и проезжая дорога. Как раз в ту минуту, когда я настолько очистила окно от серебристо-белой «листвы», чтобы выглянуть в него, ворота широко растворились и в них въехала карета. Я равнодушно смотрела, как она подъезжала к дому. Кареты нередко появлялись в Гейтсхеде, но ни одна из них никогда не привозила посетителя, который представлял бы интерес для меня. Она остановилась у подъезда, раздался сильный звонок, и пассажира кареты впустили в дом. Все это мало меня занимало, и мое внимание с большим интересом остановилось на маленькой голодной красношейке, которая с жалобным щебетанием прыгала по голым веткам вишневого дерева, росшего неподалеку от окна. Остатки моего завтрака, состоявшего из хлеба и молока, стояли еще на столе. Я раскрошила кусок булки и только что собиралась открыть форточку, чтобы выбросить крошки красно-шейке, как в детскую, запыхавшись, вбежала Бесси.

– Мисс Джейн, снимите передник, что вы делаете на подоконнике? Мыли вы сегодня лицо и руки?

Я потянула форточку, прежде чем ответить, – я не хотела лишить бедную птичку ее завтрака. Форточка поддалась, я высыпала крошки частью на каменный карниз окна, частью на ветки дерева и, закрыв окно, ответила:

– Нет, Бесси, я только что кончила убирать комнату.

– Несносный, несобранный ребенок! Что вы там делали? Вы такая красная, как будто натворили что-нибудь. Зачем вы открывали окно?

Я была избавлена от необходимости отвечать. Бесси слишком торопилась, чтобы выслушивать мои объяснения. Она потащила меня к умывальнику, немилосердно намылила лицо и руки, умыла и вытерла грубым полотенцем, затем пригладила волосы жесткой щеткой и сняла передник. Выставив меня на лестницу, она сказала, что меня ждут в столовой, и велела немедленно спускаться вниз. Я хотела спросить, кто меня ждет, я хотела знать, есть ли там миссис Рид, но Бесси уже ушла. Я стала спускаться. В продолжение почти трех месяцев меня ни разу не звали к миссис Рид, мое пребывание за все это время ограничивалось детской, а гостиная и столовая стали для меня чуждыми областями, внушавшими мне лишь опасение и страх. Я находилась теперь в огромном пустом холле, предо мной была дверь в столовую. Я остановилась, дрожа и колеблясь. Какой жалкой трусихой сделал меня за это время вечный страх, порождаемый несправедливыми наказаниями! Я боялась вернуться в детскую, боялась идти вперед и минут десять стояла в нерешимости. Сильный, нетерпеливый звонок, раздавшийся из столовой, положил этому конец – я должна была войти.

«Кто мог пожелать меня видеть?» – спрашивала я себя мысленно, нажимая обеими руками на ручку двери, которая в течение нескольких секунд не поддавалась моим усилиям. – Кого

я увижу в гостиной, кроме тети Рид, мужчину или женщину?» Наконец ручка повернулась, дверь открылась, я вошла, сделала глубокий реверанс и увидела... черный столб! Такой, по крайней мере, показалась мне на первый взгляд высокая, худая, вся затянутая в черное фигура, возвышавшаяся на ковре перед камином. Суровое лицо казалось высеченной из камня маской, увенчивающей верхушку столба. Миссис Рид сидела на своем обычном месте у камина. Она сделала мне знак приблизиться, я повиновалась, и она представила меня каменной фигуре со словами:

– Вот маленькая девочка, по поводу которой я обратилась к вам.

Он – ибо это был мужчина – медленно повернул голову в ту сторону, где я стояла, и, оглядев меня пронизывающими серыми глазами, сверкавшими из-под густых бровей, сказал строгим низким голосом:

– Она мала ростом, сколько ей лет?

– Ей десять лет.

– Так много? – последовал ответ, в котором слышалось сомнение. В продолжение нескольких минут он продолжал молча изучать меня, после чего спросил: – Ваше имя, маленькая девочка?

– Джейн Эйр, сэр.

Я подняла голову и посмотрела на него. Он показался мне непомерно высоким, впрочем, я сама была тогда очень мала. У него были крупные черты лица, в них, как и во всей его фигуре, было что-то жестокое и неумолимое.

– Ну, Джейн Эйр, вы послушный ребенок?

На этот вопрос невозможно было ответить утвердительно: маленький мирок, окружавший меня, был противоположного мнения. Я молчала. Миссис Рид ответила за меня выразительным жестом, за которым последовали слова:

– Может быть, чем меньше говорить об этом, тем лучше, мистер Брокльхерст.

– Очень жаль слышать это, мне надо с ней поговорить.

С этими словами он вывел себя из вертикального положения, осторожно поместив свою особу в кресле напротив миссис Рид.

– Подойдите сюда, – сказал он.

Я сделала несколько шагов по ковру, мистер Брокльхерст поставил меня прямо перед собой. Теперь только, когда его лицо находилось почти на одном уровне с моим, я разглядела, как оно было безобразно. Какой большой нос! И что за рот, какие огромные, выдающиеся зубы!

– Нет ничего отвратительнее испорченного ребенка, – начал он, – особенно испорченной маленькой девочки. Знаете ли вы, куда попадают грешники после смерти?

– Они попадают в ад, – был мой быстрый заученный ответ.

– А что такое ад? Вы можете мне это сказать?

– Яма, полная огня.

– Хотели бы вы попасть в эту яму и вечно гореть там?

– Нет.

– Что вы должны делать для того, чтобы избежать этого?

Я слегка призадумалась, а затем выпалила:

– Я должна оставаться здоровой и не умирать.

– Как вы можете всегда оставаться здоровой? Ежедневно умирают дети моложе вас. Не далее как день или два тому назад я похоронил ребенка пяти лет – доброе маленькое дитя, душа которого теперь в небе. Я боюсь, что про вас нельзя было бы сказать того же, если бы вы были теперь ото zvаны из этой жизни.

Так как я не имела возможности рассеять его сомнения, то я только перевела взор с его лица на обе огромные ноги, упиравшиеся в ковер, и глубоко вздохнула. В эту минуту я хотела бы быть далеко-далеко от этой комнаты и мистера Брокльхерста.

– Я надеюсь, что вздох этот исходит из глубины вашей души и что вы раскаиваетесь, что когда-либо доставляли неприятности вашей превосходной благотельнице.

«Благотельница! Благотельница! – повторяла я мысленно. – Они все называют миссис Рид моей благотельницей, наверное, это слово означает что-то очень неприятное».

– Вы читаете молитву утром и вечером? – продолжал он допрашивать меня.

– Да.

– Читаете вы Библию?

– Иногда.

– Вы читаете ее с удовольствием? Вы ее любите?

– Я люблю Откровение, и книги Даниила и Самуила, и немного из пророков, и...

– А псалмы? Я надеюсь, вы их любите?

– Нет.

– Нет? О ужас! У меня есть маленький мальчик, моложе вас, который знает наизусть шесть псалмов. И если вы его спросите, что он предпочитает – съесть пирожное или выучить стих из псалмов, он говорит: «О, конечно стих из псалмов! Ангелы поют псалмы! – говорит он. – Я бы хотел быть маленьким ангелом уже здесь, на земле!» И тогда он получает два пирожных в награду за свое благочестие.

– Псалмы не интересны, – заметила я.

– Это доказывает, что у вас испорченное сердце. Вы должны молить Бога, чтобы он изменил его, чтобы он дал вам другое, чистое, чтобы он вынул ваше каменное и дал вам сердце из крови и плоти.

Я только намеревалась спросить, как можно совершить такую операцию, когда миссис Рид вмешалась, приказав мне сесть. Затем она сама стала продолжать разговор.

– Мистер Брокльхерст, я, кажется, упомянула в письме, которое написала вам три недели тому назад, что сильно обеспокоена характером и наклонностями этого ребенка. Если вы примете ее в Ловудскую школу, я была бы вам очень благодарна. И попросите начальницу школы и учительниц строго следить за ней, чтобы искоренить в ней самый худший из ее недостатков – склонность ко лжи и лицемерие. Я упоминаю об этом в вашем присутствии, Джейн, чтобы ты не пыталась ввести в заблуждение мистера Брокльхерста.

Не зря я боялась миссис Рид и ненавидела ее – никто не умел так, как она, оскорбить меня и ранить самым жестоким образом. Я никогда не чувствовала себя счастливой в ее присутствии. Как я ни старалась повиноваться ей, какие усилия ни прилагала, чтобы угодить ей, – я никогда не слыхала от нее ничего, кроме недовольства и осуждения. Это обвинение, высказанное в присутствии постороннего человека, уязвило меня в самое сердце. Я смутно сознавала, что она уничтожала во мне надежду на лучшее будущее в тех новых условиях жизни, в которые она готовилась меня поставить. Я чувствовала, хотя не могла бы выразить этого словами, что она сеяла на предстоявшем мне пути отвращение и недоброжелательность ко мне. Я видела, что постепенно превращаюсь в глазах мистера Брокльхерста в лицемерное, лживое дитя, – и что я могла сделать против такой несправедливости? «Ничего, ровно ничего», – думала я, стараясь подавить рыдания и поспешно вытирая несколько выкатившихся из глаз слез – бессильное выражение моей муки.

– Ложь действительно скверная черта в ребенке, – сказал мистер Брокльхерст, – она сестра неискренности и коварства. Все луны будут гореть на том свете в озере, наполненном пламенем и серой. Впрочем, за ней будут следить, миссис Рид. Я поговорю с мисс Темпл и учительницами.

– Я бы хотела, чтобы ее воспитывали сообразно с ее скромными видами на будущее, – продолжала моя благотельница, – в смирении и трудолюбии. Что касается каникул, то, с вашего позволения, она будет их всегда проводить в Ловуде.

– Ваше решение чрезвычайно разумно, сударыня, – отвечал мистер Брокльхерст. – Смирение есть украшение истинного христианина, и оно особенно необходимо воспитанницам Лову-да. Я внимательно слежу за тем, чтобы им прививали это прекрасное качество. Я долго изучал вопрос о том, как лучше всего подавить в детях гордость и высокомерие, и не далее как на днях имел удовольствие убедиться в успешных результатах моих усилий. Моя вторая дочь, Августа, посетила школу со своей матерью и, вернувшись оттуда, воскликнула: «О дорогой отец, как скромно и просто выглядят девочки в Ловуде. Они носят поверх платьев длинные простые передники с маленькими карманами, гладко зачесывают за уши волосы и выглядят совсем как дети бедных людей. Они так рассматривали наши с мамой платья, точно никогда раньше не видели шелковой одежды».

– Я вполне одобряю такое положение вещей, – сказала миссис Рид. – Если бы я объехала всю Англию, я едва ли нашла бы систему воспитания, более подходящую для такого ребенка, как Джейн Эйр. Дисциплина прежде всего, дорогой мистер Брокльхерст, я стою за дисциплину во всем.

– Дисциплина, сударыня, есть первая из христианских обязанностей. В Ловудском заведении ее неукоснительно соблюдают. Простая пища, простая одежда, трудолюбие и строгие привычки – вот главные правила приюта и его обитателей.

– Совершенно верно, сударь. Значит, я могу рассчитывать, что эта девочка будет принята воспитанницей в Ловуд и что ее будут там воспитывать в соответствии с ее положением и ее видами на будущее?

– Вы вполне можете рассчитывать на это, сударыня.

– В таком случае я отправлю ее туда как можно скорее, потому что, уверяю вас, мистер Брокльхерст, я горю нетерпением освободиться от ответственности, которая становится слишком тяжелой.

– О, без сомнения, без сомнения, сударыня. Теперь позвольте откланяться. Я вернусь в Брокльхерст-холл через две или три недели. Мой добрый друг архиепископ, наверное, не отпустит меня раньше. Я извещу мисс Темпл, что к ней поступает новая воспитанница, таким образом, никаких затруднений при ее прибытии не будет. Прощайте, сударыня.

– Прощайте, мистер Брокльхерст, передайте мой привет миссис и мисс Брокльхерст, и Августе, и Теодоре, и мистеру Броутону Брокльхерсту.

– Охотно, сударыня, благодарю вас. Дитя мое, вот книга, озаглавленная «Спутник ребенка», прочтите ее со вниманием, особенно ту часть, в которой рассказывается о страшной внезапной смерти Марты – испорченного ребенка, предавшегося пороку лжи и обмана.

С этими словами мистер Брокльхерст сунул мне в руку маленькую книжку и удалился.

Миссис Рид и я остались одни. Несколько минут прошло в молчании, она шила, а я разглядывала ее. Миссис Рид, должно быть, было тогда приблизительно тридцать шесть или тридцать семь лет. Это была женщина крепкого сложения, широкоплечая, невысокого роста. У нее было широкое лицо с непомерно развитой нижней челюстью, низким лбом, большим выдающимся подбородком и правильными ртом и носом. Из-под бесцветных бровей смотрели совершенно лишенные мягкости глаза, кожа у нее была смуглая, а волосы светлые, как лен. Сидя на низком стуле в нескольких шагах от ее кресла, я изучала ее лицо, разбирая каждую черту в отдельности. В руках у меня была книжка, в которой описывалась внезапная смерть лгуньи. Мне советовали обратить особенное внимание на этот рассказ, который мог служить предостережением для меня самой. Все, что только что произошло в этой комнате, все, что миссис Рид наговорила обо мне мистеру Брокльхерсту, вся их беседа, – все это было свежо и живо в моей памяти, все это терзало и мучило мой мозг. Я вспоминала теперь каждое слово так же ясно, как раньше слышала его, и безумная жажда мести зародилась и стала расти в моем сердце.

Миссис Рид подняла голову от своей работы, ее глаза встретились с моими, ее быстро двигавшиеся пальцы остановились.

– Уходи отсюда, ступай в детскую, – приказала она мне.

В моих глазах или выражении лица она, по всей вероятности, увидела нечто вызывающее, потому что произнесла эти слова в крайнем, хотя и сдерживаемом раздражении. Я встала и пошла к двери, затем вернулась обратно, прошла к окну через всю комнату и остановилась возле ее кресла. Я должна была говорить: меня жестоко оскорбили, и я должна была выразить свое возмущение, но как? Какие средства были в моих руках, чтобы поразить моего врага? Я собрала все свое мужество, всю энергию и внезапно разразилась следующими словами:

– Я не лжива и не лицемерна. Если бы я лицемерила, то сказала бы, что люблю вас. Но я объявляю вам, что ненавижу вас, как никого на свете, за исключением Джона Рида. А эту книгу, в которой рассказывается о лгунье, вы можете дать вашей дочери Джорджиане, это она лжет и лицемерит, а не я.

Руки миссис Рид продолжали неподвижно лежать на работе, ее холодные глаза по-прежнему были устремлены на меня с ледяным выражением.

– Ты все сказала? – спросила она тоном, которым говорят со взрослым противником, но никак не с ребенком.

Этот взгляд, этот голос подняли со дна моей души всю мою ненависть к ней. Дрожа с головы до ног, вне себя от возбуждения, с которым я не могла совладать, я продолжала:

– Я очень рада, что вы не приходите мне родственницей, никогда, никогда в жизни больше я не стану вас называть тетей. Я никогда больше не вернусь к вам, даже когда буду взрослая. И если меня кто-нибудь спросит, люблю ли я вас и как вы со мной обращались, я скажу, что одна мысль о вас делает меня больной и что вы обращались со мной с немилосердной жестокостью.

– Как ты смеешь говорить это, Джейн Эйр?

– Как я смею, миссис Рид? Как я смею?! Я смею, потому что это правда. Вы думаете, что я не способна чувствовать, что я могу жить без любви и ласки, но я не могу так жить. А у вас нет ни капли сострадания. Я никогда не забуду, как вы втолкнули меня – насильно, грубо втолкнули – в красную комнату и заперли там, никогда в жизни я этого не забуду. Вы заперли меня, хотя я была вне себя от страха, я кричала, я задыхалась от муки и отчаяния, я умоляла вас: «Сжальтесь, сжальтесь, тетя Рид!» И такому наказанию вы меня подвергли за то, что ваш гадкий, злой мальчишка бил меня без причины, повалил на пол без всякой вины с моей стороны. Я буду это рассказывать всем, кто меня спросит о вас. Вас считают доброй женщиной, но вы злая, бессердечная женщина. Вы лживы и лицемерны!

Когда я кончила говорить, никогда не испытанное чувство блаженства, свободы, торжества наполнило мою душу. Казалось, точно какие-то невидимые оковы спали с меня, и я внезапно и неожиданно вырвалась на свободу. Это чувство было не лишено основания, миссис Рид выглядела испуганной: работа соскользнула с ее колен, она подняла руки вверх, и лицо ее перекошилось, точно она собиралась заплакать.

– Джейн, уверяю тебя, ты заблуждаешься. Что с тобой случилось? Отчего ты так ужасно дрожишь? Хочешь немного воды? – Нет, миссис Рид.

– Не хочешь ли ты чего-нибудь другого, Джейн? Уверяю тебя, я хочу только быть твоим другом.

– Это неправда. Вы сказали мистеру Брокльхерсту, что у меня дурной характер, что я злая и лживая. О, я расскажу всем в Ловуде, кто вы такая и как вы со мной поступили.

– Джейн, ты еще мала и не понимаешь, что недостатки детей надо исправлять.

– Но лживость вовсе не мой недостаток! – закричала я диким, пронзительным голосом.

– Но у тебя вспыльчивый характер, Джейн, ты должна с этим согласиться. А теперь ступай в детскую – иди, мое дорогое дитя, – и ложись в постель, тебе надо отдохнуть.

– Я не ваше дорогое дитя! И я не хочу отдохнуть. Отошлите меня поскорей в школу, миссис Рид, я не могу здесь жить.

– Я в самом деле отошлю ее поскорей в школу, – проговорила миссис Рид вполголоса.

Собрав свою работу, она быстро вышла из комнаты. Я осталась одна – победа была за мной. Это было самое ожесточенное сражение, какое я когда-либо вела, и первая победа, которую я одержала. Я стояла на ковре перед камином, на том самом месте, где стоял раньше мистер Брокльхерст, и наслаждалась торжеством победы. Сначала я улыбалась с чувством гордости, но это горделивое и радостное чувство стало уступать место унынию и тоске, по мере того как лихорадочное биение моего пульса становилось спокойнее. Ребенок не может вступать в борьбу со взрослыми и давать полную свободу своим возмущенным чувствам, как я только что сделала. Иначе ему придется испытать все муки совести, весь ужас позднего раскаяния. Полыхающая, пожираемая пламенем полоса горящей степи может дать представление о состоянии моей души, когда я осыпала миссис Рид обвинениями и угрозами. И та же полоса степи, только почерневшая и выжженная после того, как огонь потух, дает представление, как я чувствовала себя потом.

Получасовая тишина и размышление показали мне все безумие моего поведения и всю горечь, всю безотрадность моего положения и состояния моей души, полной злобы и ненависти. Я впервые испытала всю сладость мести. Ее можно сравнить с вином, которое кажется крепким и ароматным, пока его пьешь, – но после него остается во рту металлический, едкий вкус. Так и у меня осталось теперь ощущение, точно я отравлена. Я бы охотно пошла к миссис Рид и попросила у нее прощения, но знала частью по опыту, частью интуитивно, что она лишь оттолкнет меня с большим презрением и тем вновь пробудит все свойственные моей натуре мятежные чувства.

Мне хотелось проявлять другие, лучшие стороны моей натуры вместо самолюбия и вспыльчивости, испытывать в душе мягкость вместо негодования и возмущения. Я взяла книгу – это были арабские сказки. Я села и постаралась углубиться в чтение. Но я не могла уловить смысла того, что читала. Мои собственные мысли беспрестанно становились между мною и строками, которые я обычно находила такими увлекательными.

Я открыла стеклянную дверь, которая вела из столовой в сад. Какими неподвижными, мертвыми выглядели оголенные кусты и пустые поля вдалеке. Я накрыла голову и руки верхней юбкой платья и вышла, направившись в отдаленную тихую часть парка. Ничто мне не доставляло удовольствия: ни молчаливые деревья, ни падающие еловые шишки, ни иссохшие и пожелтевшие листья – печальные остатки осени, сметенные в кучи осенним ветром и застывшие под ледяным дыханием зимы. Я прислонилась к калитке. Предо мною расстилалось пустынное поле, на котором уже давно не паслись овцы и лишь печально чернела схваченная морозом низкая трава. Был темный, пасмурный день, серое небо, сплошь покрытое снеговыми тучами, низко нависло над землей, кружили редкие хлопья снега и, не тая, застывали на обледенелых дорожках и покрытых инеем кустах и деревьях. Я стояла там, взволнованная и несчастная, и беспрестанно спрашивала себя: «Что мне делать? Что мне делать?» Вдруг раздался громкий голос:

– Мисс Джейн! Где вы? Идите завтракать!

Это была Бесси, я это знала, но не двинулась с места. Скоро ее легкие шаги послышались на дорожке сада.

– Какая же вы упрямец! – сказала она. – Почему вы не идете, когда вас зовут?

После тех мрачных мыслей, которые одолевали меня, присутствие Бесси показалось мне приятным несмотря на то, что она по обыкновению ворчала. Дело в том, что после столкновения с миссис Рид и победы над ней я уже не принимала близко к сердцу скоротечный гнев нашей няни. Зато мне хотелось согреться в лучах ее молодой, свежей веселости. Я обхватила ее шею обеими руками и сказала: – Ну, Бесси, не брани меня!

Никогда раньше я не позволяла себе такого свободного, естественного порыва, должно быть, он понравился и ей.

– Вы странное дитя, – сказала она, растроганно глядя на меня сверху вниз, – маленькое, беспокойное, одинокое создание. Вас собираются отправить в школу?

Я кивнула головой.

– А вам не будет жалко покинуть бедную Бесси?

– Какое Бесси до меня дело? Она только бранится.

– Потому что вы робкая и нерешительная. Вам нужно стать смелее.

– Зачем? Чтобы меня еще больше били и ненавидели?

– Глупости! Вам живется несладко, это правда. Моя мать сказала, когда была у меня на прошлой неделе, что она бы не хотела, чтобы кто-нибудь из ее детей оказался на вашем месте. Ну, теперь пойдем домой, у меня для вас приятные новости.

– Ах, Бесси, этого не может быть.

– Мисс, что с вами? Отчего это такая безнадежность в голосе? Миссис Рид с детьми уезжают сегодня после обеда, они приглашены на чай, и вы будете ужинать со мной. Я попрошу кухарку испечь вам маленький пирог, а потом вы мне поможете осмотреть ваши ящики в шкафу и в комод. Ведь скоро мне придется укладывать ваши вещи. Хозяйка хочет отослать вас через день или два. Вы можете выбрать какие угодно игрушки и взять их с собой.

– Бесси, пообещай больше не бранить меня до самого отъезда.

– Хорошо, обещаю, но вы должны быть хорошей девочкой и не бояться меня. Не вздрагивайте так всякий раз, когда я говорю резким тоном, это так раздражает меня.

– Я не думаю, что когда-нибудь снова буду тебя бояться, Бес-си. Я привыкла к тебе, но я окажусь среди других людей, которых мне придется бояться.

– Если вы будете их дичиться, они не будут вас любить.

– Как ты, Бесси?

– Напротив, я вас люблю, мисс Джейн, я думаю, что я привязана к вам больше, чем ко всем другим.

– Ты этого никогда не выказываешь.

– Ах вы лиса! Вдруг заговорили совершенно по-другому. С чего это вдруг вы стали такая смелая и бесстрашная?

– Во-первых, я скоро уеду далеко отсюда, и кроме того...

Я чуть не проговорила относительно того, что произошло между мной и миссис Рид, но вовремя спохватилась. Я подумала, что об этом лучше не говорить.

– Значит, вы рады, что покидаете меня?

– Вовсе нет, Бесси, право, как раз теперь я почти жалею об этом.

– «Как раз теперь»! И «почти»! Как холодно моя маленькая мисс говорит это! Наверное, если бы я попросила вас поцеловать меня, вы бы, пожалуй, отказались. Вы бы сказали, что почти предпочитаете не целовать меня.

– Я охотно поцелую тебя, наклонись ко мне.

Бесси наклонилась, мы поцеловались, и я, совершенно успокоенная, последовала за ней в дом. Конец этого дня прошел в мире и согласии, а вечером Бесси рассказала мне несколько самых лучших сказок и спела мне свои самые сладкие песни. Даже в моей одинокой сиротской жизни являлись иногда проблески солнца.

Глава V

Пробило пять часов утра 19 января, когда Бесси со свечой в руке вошла в мою комнату и нашла меня уже на ногах и почти одетой. Я встала за полчаса до ее прихода, наскоро умыла лицо и оделась при слабом свете заходящего месяца, бросавшего свои лучи в комнату через маленькое окошко у моей кровати. Я должна была уехать из Гейтсхеда в дилижансе, который проезжал мимо дома в шесть часов утра. Во всем доме, кроме меня, встала одна Бесси, она затопила камин и стала готовить завтрак. Немногие дети могут есть, когда мысли их заняты предстоящим путешествием, я тоже не могла. После тщетной попытки заставить меня проглотить горячего молока с булкой Бесси завернула в бумагу несколько пирожков и сухарей и сунула их в мою дорожную сумку. Затем она помогла мне надеть шляпу и шубку, накинула на себя теплый платок, и мы вышли из детской. Когда мы проходили мимо спальни миссис Рид, она спросила меня:

– Не хотите ли вы войти и проститься с тетей?

– Нет, Бесси, вчера вечером, когда ты ужинала, она вошла ко мне, подошла к моей кровати и сказала, что мне незачем утром беспокоить ее и двоюродных сестер. Она сказала, чтобы я не забывала, что она всегда была моим лучшим другом, и чтоб я вспоминала о ней с благодарностью.

– Что же вы сказали на это, мисс Джейн?

– Ничего, я закрыла голову одеялом и отвернулась от нее к стене.

– Это было нехорошо.

– Это было очень хорошо, Бесси. Твоя хозяйка никогда не была моим другом, она была моим злейшим врагом.

– О мисс Джейн! Вы не должны этого говорить!

– Прощай, Гейтсхед! – воскликнула я, когда мы миновали холл и вышли из большого подъезда.

Луна зашла, и было совершенно темно. Бесси несла в руке фонарь, свет от него падал на мокрые ступени и растаявшую от внезапно наступившей оттепели почву. Было холодное и сырое зимнее утро, у меня зубы стучали от холода, когда мы торопливо шли по двору. В домике привратника горел свет, когда мы подошли, его жена разводила огонь в камине. Мой чемодан, снесенный сюда еще накануне вечером, стоял связанный у дверей. Было без нескольких минут шесть, немного спустя пробили часы, и вслед за тем отдаленный стук колес возвестил о появлении дилижанса. Я подошла к двери и стала смотреть, как фонари его быстро приближаются во мраке.

– Она едет одна? – спросила жена привратника.

– Да.

– А далеко это?

– Пятьдесят миль.

– Какое длинное путешествие! Я удивляюсь, что миссис Рид не боится отпускать ее одну так далеко.

Дилижанс остановился перед домиком привратника, он был запряжен четверкой лошадей и весь набит пассажирами. Кучер и кондуктор громко торопили, мой чемодан был поднят наверх, меня оторвали от Бесси, голову которой я крепко обхватила руками и покрывала поцелуями.

– Пожалуйста, заботьтесь о ней, – крикнула она кондуктору, когда он посадил меня внутрь дилижанса.

– Ладно, ладно, – последовал ответ.

Дверь захлопнулась, какой-то голос крикнул: «Пошел!» – и мы покатили.

Так я рассталась с Бесси и Гейтсхедом и пустилась навстречу неизвестному и, как мне казалось, отдаленному и таинственному будущему. Первый день моего путешествия оставил во мне немного воспоминаний. Помню только, что он казался мне необыкновенно долгим, и я была уверена, что мы проехали уже сотни миль. Мы проезжали мимо каких-то городов, и в одном из них, кажется очень большом, дилижанс остановился. Лошадей распрягли, и пассажиры вышли пообедать.

Меня ввели в одну из комнат постоялого двора, и кондуктор предложил пообедать, но так как у меня не было аппетита, то он ушел, оставив меня одну в огромной комнате. В обоих концах стояло по камину, с потолка спускалась люстра, а наверху вдоль стены тянулась маленькая красная галерея, уставленная музыкальными инструментами. Я довольно долго ходила взад и вперед по комнате. На душе у меня было жутко: я смертельно боялась, чтобы в комнату не вошел кто-нибудь и не похитил меня. Я твердо верила в существование похитителей детей, их подвиги подчас играли выдающуюся роль в вечерних сказках Бесси.

Наконец кондуктор вернулся, меня снова посадили внутрь дилижанса, мой покровитель поднялся на свое место, затрубил в рог, и дилижанс загремел по каменной мостовой. Наступили сырые и туманные сумерки. По мере того как становилось темнее, я начинала сознавать, что мы действительно очень удалились от Гейтсхеда. Мы больше не проезжали через города, местность изменилась, большие серые холмы появились на горизонте. Когда мрак еще более сгустился, мы спустились в темную, всю поросшую лесом долину, и еще долго, после того как темнота ночи окутала все предметы, не позволяя ничего различать кругом, я слышала, как ветер дико завывал и шумел деревьями. Убаюканная шумом ветра, я наконец заснула. Но спала я недолго, меня разбудило внезапное прекращение движения.

Дверь дилижанса была открыта, и в ней стояла особа, с виду похожая на горничную, при свете фонаря я могла рассмотреть ее лицо и костюм.

– Нет ли здесь девочки по имени Джейн Эйр? – спросила она. Я ответила «да», и меня извлекли из глубины дилижанса. Мой чемодан был спущен на землю, и дилижанс сейчас же двинулся дальше. Мои члены совершенно онемели от долгого сидения на одном месте, а шум и движение дилижанса оглушили меня. Придя несколько в себя, я огляделась. Кругом дождь, ветер и мрак, несмотря на это, я смутно различила каменную ограду и в ней открытую калитку. Со своей новой спутницей я прошла через эту калитку, которую она тщательно закрыла за собой. Теперь показался дом со множеством окон, в которых светились огни. Мы пошли по сырой тропинке, засыпанной мелкой галькой, и вошли в дом. Затем горничная провела меня через коридор в комнату, где весело трещал огонь в камине, и оставила меня одну.

Я остановилась пред камином и стала греть оковеневшие пальцы, оглядывая комнату. В ней не было свечи, но при неверном свете огня камина попеременно выступали из мрака обитые обоями стены, ковер, занавеси и мебель из блестящего красного дерева. Это была гостиная, не такая большая и роскошная, как в Гейтсхеде, но все-таки довольно уютная. Я старалась разобрать содержание картины, висевшей на стене, когда дверь отворилась и в комнату вошла особа со свечой в руке, за ней следовала другая. Первая из вошедших была высокого роста дама, с темными волосами, темными глазами, бледным высоким лбом и серьезным выражением лица. Ее фигура была укутана широкой шалью, держалась она прямо.

– Этот ребенок слишком мал для того, чтобы совершить одному такое путешествие, – сказала она, ставя свечку на стол. Пару минут она внимательно смотрела на меня, затем прибавила: – Ее лучше было бы уложить поскорей в постель, у нее усталый вид. Ты устала? – спросила она, кладя руку мне на плечо.

– Немного, сударыня.

– И голодна, без сомнения? Позаботьтесь, чтобы ей дали что-нибудь поесть прежде, чем она ляжет спать, мисс Миллер. Это твоя первая разлука с родителями, моя дорогая?

Я объяснила ей, что у меня нет родителей. Она спросила, давно ли они умерли, потом сколько мне лет, как меня зовут, умею ли я читать, писать и хоть немного шить. Затем она ласково дотронулась до моей щеки и, сказав «Надеюсь, что вы будете хорошей девочкой», отослала меня к мисс Миллер. Даме, закутанной в шаль, было на вид около двадцати девяти лет, а та, что повела меня за собой, казалась на несколько лет моложе. Первая произвела на меня глубокое впечатление своим голосом, взглядом и всем своим видом.

Мисс Миллер была молодой девушкой с незапоминающейся внешностью, на лице ее уже обозначились первые следы забот. Она торопливо вела меня вперед, как человек, который спешит исполнить неожиданное поручение и вернуться к своим многочисленным обязанностям. Как я потом узнала, она была в Лову-де младшей учительницей. Мы шли по незнакомым комнатам, переходя из коридора в коридор по большому зданию неправильной формы. Наконец глубокая тишина, царившая в той части дома, по которой мы проходили, осталась позади. Нас сразу охватил гул множества голосов, и мы вошли в огромную длинную комнату с двумя большими деревянными столами. В каждом конце ее на столах горело по две свечи, и вокруг них на скамьях сидело множество девочек и девушек разных возрастов, начиная с девяти или десяти и до двадцати лет. При тусклом свете свечей число их казалось мне несметным, хотя на самом деле их было не больше восьмидесяти. Все они были одеты в одинаковые коричневые шерстяные платья старомодного покроя и длинные полотняные передники. Был час приготовления уроков – каждая учила наизусть все, что было задано на следующий день. Восемьдесят человек повторяли вполголоса свои уроки – вот отчего происходил этот гул, который поразил меня при входе в комнату.

Мисс Миллер знаком приказала мне сесть на скамью близ двери. Пройдя на противоположный конец комнаты, она крикнула:

– Старшие, соберите учебники и положите их на место!

Четыре взрослые девушки поднялись из-за четырех столов и, собрав все книги, спрятали их. Снова раздалась команда мисс Миллер:

– Старшие, принесите подносы с ужином!

Те же девушки вышли и сейчас же вернулись, держа в руках по подносу, на котором были разложены порции – я не могла разглядеть содержимое тарелок. В середине каждого подноса стоял кувшин с водой и кружка. Они обносили воспитанниц, желающие пить делали несколько глотков воды, – одна кружка предназначалась для всех. Когда очередь дошла до меня, я жадно выпила воды, но пищи не тронула. Возбуждение и усталость совершенно лишили меня аппетита. Я теперь разглядела, что это был ржаной хлеб, нарезанный тонкими ломтиками. По окончании ужина все воспитанницы стали в пары и поднялись наверх, в спальни.

Усталость одолевала меня, так что я почти не обратила внимания на спальню, где оказалась. Только заметила, что она была очень длинной, как и классная комната. В эту ночь я должна была спать рядом с мисс Миллер, в ее постели. Она помогла мне раздеться. Я улеглась в кровать и оглядела наконец длинный ряд кроватей, в каждую из которых быстро укладывались по две девочки. Через десять минут единственную свечу погасили, наступила полная темнота и молчание и я заснула как убитая.

Ночь прошла быстро. Я была слишком утомлена, чтобы видеть какие-нибудь сны, только раз проснулась и успела расслышать, как ветер дикими порывами налетал на деревья и как ливень стучал по окнам. Мисс Миллер лежала рядом со мной.

Когда я снова раскрыла глаза, до моего слуха донесся громкий звон колокольчика. Девочки уже встали и одевались, еще не рассвело, и в комнате горела одна или две свечи. Я тоже встала, хотя очень неохотно – было страшно холодно, и я так дрожала, что едва могла одеться. Умылась я, когда освободилась умывальная чашка, что произошло нескоро, так как на умывальных столах, расставленных вдоль комнаты посередине, стояло по одной чашке на шесть девочек. Снова раздался звонок. Все выстроились в линию попарно и в таком порядке

спустились вниз, в холодную и плохо освещенную классную комнату. Мисс Миллер прочла молитву, после чего крикнула:

– Составьте классы!

Поднялся страшный шум, не умолкавший в течение нескольких минут. Мисс Миллер несколько раз призывала к спокойствию. Когда тишина и порядок водворились, все воспитанницы сгруппировались в четыре полукруга перед четырьмя стульями, стоявшими у четырех столов, каждая держала в руках молитвенник. Большая книга, похожая на Библию, лежала на каждом столе перед пустым стулом. Последовала короткая пауза, в течение которой ничего не было слышно, кроме тихого, неясного бормотания. Мисс Миллер переходила от класса к классу, унимая этот неопределенный гул.

Где-то в отдалении раздался звонок, вслед за тем вошли в комнату три дамы, каждая из них направилась к своему столу и заняла место на стуле. Мисс Миллер заняла четвертый свободный стул, стоявший ближе к двери, вокруг которого сгруппировались самые маленькие девочки. В этот младший класс попала и я, причем мне было указано в нем последнее место. Занятия начались с утренней молитвы, затем целый час читали тексты Нового и Ветхого Завета.

Тем временем совершенно рассвело. Неутомимый звонок раздался в четвертый раз, воспитанницы снова выстроились попарно и пошли в другую комнату завтракать. Как меня радовала перспектива наконец поесть что-нибудь! Я чувствовала себя больной от истощения, так как накануне почти ничего не ела. Столовая была большой, низкой, мрачной комнатой, на двух длинных столах дымились тарелки, содержавшие что-то горячее. К моему ужасу, они источали весьма неприятный запах, и я заметила всеобщее отвращение на лицах девочек. Из группы взрослых воспитанниц первого класса послышался шепот:

– Отвратительно! Каша опять пригорела!

– Молчать! – раздался голос, принадлежавший не мисс Миллер, а одной из старших учительниц, маленькой, смуглой, нарядно одетой, но чрезвычайно угрюмой особе.

Она заняла место во главе одного стола, между тем как другая дама, более приветливая с виду, председательствовала за вторым. Я напрасно искала глазами ту, что видела накануне вечером, – ее нигде не было. Мисс Миллер уселась за столом, за которым сидела я, а пожилая, похожая на иностранку дама – учительница французского языка, как я потом узнала, – заняла соответствующее место у другого стола. Прочитали длинную молитву и пропели гимн, затем горничная принесла чай для учительниц, и завтрак начался.

В последние дни я почти ничего не ела и страшно ослабла. Я с жадностью проглотила несколько ложек каши, не обращая никакого внимания на ее вкус, но когда первый мучительный голод был утолен, я осознала, что ем отвратительное, вызывающее тошноту кушанье. Пригоревшая каша была почти так же несъедобна, как гнилой картофель. Самый сильный голод не мог победить отвращение, которое она возбуждала. Ложки двигались чрезвычайно медленно, я видела, как каждая воспитанница пробовала свою порцию и пыталась ее проглотить, но в большинстве случаев эти усилия оставались тщетными.

Завтрак кончился, но никто не позавтракал. Была прочитана благодарственная молитва за то, чего мы не получили, и пропет второй гимн, после чего все прежним порядком покинули столовую и вернулись в классную комнату. Я была одной из последних, вышедших из столовой. Проходя мимо обеденных столов, я заметила, как одна из учительниц взяла миску с кашей и попробовала ее. Она взглянула на других, у всех лица выражали негодование, а одна прошептала:

– Какая гадость! Это возмутительно!

Прошло четверть часа до начала следующего урока. В течение этого времени в классной комнате царил неимоверный шум, это было, очевидно, единственное время, когда воспитанницам позволялось говорить громко и свободно, и они широко пользовались этим правом. Весь

разговор вертелся вокруг завтрака, которым все без исключения открыто возмущались. Бедные девочки! Это было единственное утешение, которое они могли себе позволить. Мисс Миллер, одна из всех учительниц, присутствовала теперь в комнате. Вокруг нее собралась группа взрослых девушек, которые оживленно говорили о чем-то, сопровождая свою речь резкими недовольными жестами. По временам слышалось имя мистера Брокльхерста, на что мисс Миллер неодобрительно качала головой. Однако она не делала особенных усилий усмирить всеобщее негодование – без сомнения, она его разделяла.

Часы в классной комнате пробили девять. Мисс Миллер поднялась со своего места, вышла на середину комнаты и скомандовала:

– Смирно! По местам!

Дисциплина взяла верх: в пять минут порядок воцарился среди взволнованной толпы воспитанниц, и относительное молчание сменило прежнее вавилонское столпотворение. Старшие учительницы заняли свои места, но все, казалось, ждали чего-то. Восемьдесят девочек неподвижно сидели на скамьях вдоль стен. Они представляли странное зрелище: гладко зачесанные назад волосы без единого непослушного локона, коричневые платья с высокими воротниками и узенькими рюшками вокруг шеи, маленькие полотняные карманы на платьях в качестве мешочков для рукоделия, шерстяные чулки и грубые башмаки с медными застежками. Примерно двадцать учениц были уже вполне взрослыми девушками, костюм уродовал их, делая непривлекательными даже самых красивых. Я была совершенно поглощена, рассматривая их. Лишь время от времени я бросала взгляд на учительниц – и ни одна из них мне не нравилась: полноватая казалась грубой, смуглая – злой, иностранка – резкой и неприятной, а у мисс Миллер, бедняжки, вид был страдальческий.

Вдруг вся школа поднялась со своих мест, как бы повинувшись одному порыву. Что такое случилось? Я не слышала никакой команды и была изумлена. Раньше чем я успела сообразить, в чем дело, все снова уселись. Все взоры были теперь устремлены в одну точку, мои глаза невольно повернулись по тому же направлению – и я увидела ту самую даму, которая приняла меня накануне. Она стояла на противоположном конце комнаты у камина – их было два в классной комнате, – молча и серьезно разглядывая оба ряда девочек. Мисс Миллер приблизилась к ней и, казалось, спросила о чем-то. Получив ответ, она вернулась на свое место и сказала громким голосом:

– Старшая первого класса, принесите глобусы!..

Пока одна из старших воспитанниц исполняла это приказание, пришедшая дама медленно прошла по комнате. Я от природы наделена способностью горячо привязываться к людям и теперь еще помню то чувство восхищения и благоговения, с каким я следила за каждым ее движением. Теперь, при дневном свете, я разглядела, что она была высокого роста, стройна и красива. Карие глаза, сиявшие мягким светом из-под длинных ресниц, и тонко очерченные темные брови еще более оттеняли белизну ее лба. На висках волосы темно-каштанового цвета были собраны в густые короткие букли по моде того времени, когда не носили ни гладких проборов, ни длинных локонов. На ней было сшитое тоже по моде платье из темно-красного сукна с отделкой из черного бархата, золотые часы висели у нее за поясом (ношение часов тогда еще не было так распространено, как теперь). Пусть читатель прибавит для полноты картины тонкие черты лица, чистый, хотя бледный цвет кожи и полную достоинства осанку – и он получит правильное представление – по крайней мере словесное, – о наружности мисс Темпл, Марии Темпл, как я прочла однажды на ее молитвеннике, который мне было поручено отнести в церковь. Начальница Ловудской школы (это была должность, которую занимала мисс Темпл), усевшись перед парой глобусов, поставленных на один из столов, собрала вокруг себя первый класс и начала урок географии. Младшие классы сгруппировались вокруг учительниц, которые спрашивали их по истории, географии и прочему. Этот урок продолжался час, за ним

последовали уроки чистописания и арифметики, а мисс Темпл дала урок музыки нескольким из старших учениц. Наконец часы пробили двенадцать. Начальница встала.

– Я хочу сказать воспитанницам несколько слов, – проговорила она.

Поднявшийся было вслед за окончанием уроков шум мгновенно стих при звуках ее голоса. Она продолжила:

– Сегодня утром у вас был завтрак, которого вы не могли есть. Все вы, должно быть, голодны. Я распорядилась, чтобы вам был подан легкий завтрак из хлеба и сыра. – Учительницы взглянули на нее с нескрываемым изумлением. – Я беру это на свою ответственность, – прибавила она, обратившись к ним как бы с пояснением, и сейчас же вышла из комнаты.

Хлеб с сыром принесли и раздали, к большому удовольствию девочек, с жадностью проглотивших угощение. Затем был отдан приказ: «В сад!» Воспитанницы надели грубые, бесформенные соломенные шляпы с лентами из цветного колена и серые полотняные плащи. Меня нарядили точно таким же образом, и, следуя общим потоком, я вышла на свежий воздух. Сад представлял собой обширное пространство, окруженное высокой каменной стеной, которая совершенно отрезала приют от внешнего мира. С одной стороны тянулась крытая галерея, центральная часть сада была разбита на множество небольших грядок широкими дорожками. У каждой воспитанницы был свой кусочек земли, который она возделывала. Покрытые цветами грядки, несомненно, имели очень красивый вид, но теперь, в конце января, они являли безотрадную картину зимнего опустошения.

По моему телу пробежала дрожь, день был не особенно благоприятным для прогулки. Настоящего дождя не было, но в воздухе носился густой желтый моросивший туман, почва под ногами была пропитана сыростью от дождя, лившего накануне. Наиболее здоровые и крепкие воспитанницы бегали по саду и затевали веселые игры, но бледные и худые девочки теснились серой группой, ища защиты от холода и тумана под крышей галереи. Глухой кашель раздавался с той стороны, когда густой туман пронизывал их хрупкие тела.

Я еще не говорила ни с кем из воспитанниц, и никто, казалось, не обращал на меня ни малейшего внимания. Я была одна среди этой массы детей, впрочем, я давно привыкла к одиночеству, и оно меня не угнетало. Кутаясь в серый плащ, я стояла, прислонившись к одному из столбов галереи, стараясь забыть о пронизывающем холоде и ноющем чувстве неутоленного голода. Я предавалась наблюдению и размышлению.

Впрочем, мысли мои были неопределенны и отрывочны, чтобы упоминать о них. Я еще не успела освоиться с новой обстановкой, в которую попала, но чувствовала, что от Гейтсхеда и всей прошлой жизни меня отделяет неизмеримое расстояние. Настоящее казалось мне смутным и пугающим, а будущее я вовсе не могла себе представить. Я с тоской бродила глазами по огромному саду, похожему на монастырский двор, смотрела на большое здание, одна половина которого была старой и ветхой, а другая совершенно новой. Классная комната и спальни располагались в новой части, с большими решетчатыми окнами, придававшими ей сходство с церковью.

Над входом была прибитая каменная плита с надписью: «Ловудская школа-приют. Эта часть здания вновь выстроена в... году по Р. Х. Ноэмией Брокльхерст, из Брокльхерст-холла, в здешнем графстве. „Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного“. Мф. V, 16».

Я читала и перечитывала эти слова. Я чувствовала, что в них таится какой-то смысл, но была совершенно не в состоянии постигнуть все их значение. Я еще ломала себе голову над смыслом слова «школа-приют» и старалась найти связь между первыми словами надписи и стихом из Евангелия, когда глухой кашель, раздавшийся позади, заставил меня повернуть голову. Я увидела девочку, сидевшую на каменной скамье недалеко от меня, она склонилась над книгой и казалась совершенно поглощенной чтением. Со своего места я могла прочесть

название книги, оно заинтересовало меня. Поворачивая страницу, она случайно взглянула на меня, и я сейчас же обратилась к ней:

– Интересная книга?

В голове моей уже созрело намерение попросить когда-нибудь эту книгу.

– Мне она нравится, – ответила она, помолчав с минуту и внимательно меня рассматривая.

– О чем она? – продолжала я.

Я удивляюсь: откуда у меня взялась смелость завести разговор с совершенно незнакомым человеком. Это было чуждо моему характеру и привычкам, но девочка была так поглощена чтением, что затронула во мне родственную струну. Я тоже очень любила читать, хотя довольно поверхностно и по-детски. Серьезного чтения я не любила и не понимала.

– Посмотри, – ответила девочка, предлагая мне книгу.

Я взяла ее, но скоро убедилась, что содержание менее привлекательно, нежели заглавие. Она показалась скучной моему легкомысленному вкусу – в ней не было ни волшебниц, ни добрых духов. Ее страницы, испещренные мелкими буквами, выглядели однообразными. Я вернула книгу девочке, она спокойно взяла ее и, не говоря ни слова, принялась за прежнее занятие. Я еще раз решила ее прервать.

– Ты можешь мне сказать, что означает надпись над входом в дом? Что такое «Ловудская школа-приют»?

– Так называется дом, в котором ты живешь.

– Почему же он называется школой-приютом? Разве он отличается чем-нибудь от других школ?

– Это отчасти благотворительная школа. Ты, и я, и все другие девочки – мы воспитанницы благотворительного заведения. Ты, вероятно, сирота, у тебя нет отца или матери?

– Они оба умерли так давно, что я даже не помню.

– Ну, все девочки, которые здесь живут, потеряли отца или мать или обоих родителей, и поэтому заведение называется приютом для воспитания сирот.

– Разве мы не платим денег? Разве они содержат нас даром?

– Наши родственники платят по пятнадцать фунтов стерлингов в год за каждую из нас.

– Почему же нас называют воспитанницами благотворительного заведения?

– Потому что пятнадцати фунтов недостаточно для того, чтобы содержать и обучать нас.

Недостающие средства собираются по подписке.

– Кто же дает деньги?

– Разные благотворительницы и благотворители в этой местности и в Лондоне.

– А кто была Ноэмия Брокльхерст?

– Это дама, которая выстроила новую часть здания, как сказано на надписи над дверями.

Ее сын распоряжается здесь всем. – Почему?

– Потому что он казначей и директор заведения.

– Значит, этот дом не принадлежит той высокой даме, которая носит часы и которая велела нам дать хлеб с сыром?

– Мисс Темпл? О нет! Я бы хотела, чтобы он принадлежал ей. Она должна давать отчет мистеру Брокльхерсту во всем, что она делает. Мистер Брокльхерст сам покупает для нас провизию и всю нашу одежду.

– Он живет здесь?

– Нет, его поместье находится в двух милях отсюда.

– Он хороший человек?

– Он священник, говорят, что он делает много добра.

– Ты сказала, что высокую даму зовут мисс Темпл?

– Да.

– А как зовутся другие учительницы?

– Ту, краснощекую, зовут мисс Смит, она учит рукоделию и кроит платья – мы сами шьем себе одежду. Маленькая, с черными волосами, это мисс Скетчерд, она преподает историю и грамматику второму классу. Мадам Пьерро – это та, что носит шаль, у нее носовой платок высунут из кармана, она приехала из Франции и преподает французский язык.

– А ты любишь учительниц?

– Да, ничего.

– Ты любишь эту маленькую, черную, и мадам... Я не умею выговорить ее имя так, как ты его произносишь.

– Мисс Скетчерд вспыльчива, советую тебе не выводить ее из себя, а мадам Пьерро в сущности не злой человек.

– Но мисс Темпл лучше всех, правда?

– Мисс Темпл очень добра и умна, она на голову превосходит других учительниц, потому что знает гораздо больше.

– Ты уже давно здесь?

– Два года.

– Ты сирота?

– Моя мать умерла.

– Ты счастлива здесь?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Я рассказала тебе достаточно, а теперь хочу почитать.

В эту минуту раздался звонок, призывавший к обеду, и все вернулись в дом. Запах, наполнявший столовую, был почти так же малопривлекателен, как и тот, который «успокаивал» наше обоняние за завтраком. Обед был подан на двух огромных оловянных блюдах, распространявших сильный запах прогорклого сала. Содержимое этих блюд состояло из безвкусного картофеля и каких-то бесформенных обрезков весьма подозрительного на вид мяса, перемешанных и сваренных вместе. Перед каждой ученицей была поставлена довольно обильная порция этой отвратительной смеси. Я съела, сколько была в состоянии, и только спрашивала себя мысленно, всегда ли еда здесь так неаппетитна и безвкусна, как в этот первый день моего пребывания в школе.

Сейчас же после обеда мы отправились в классную комнату, уроки возобновились и продолжались до пяти часов. После обеда произошло только одно событие, обратившее на себя внимание: девочка, с которой я разговаривала в саду, подверглась наказанию на уроке истории. Мисс Скетчерд поставила ее посреди огромной классной комнаты на виду у всех. Это наказание показалось мне в высшей степени унижительным, особенно для такой большой девочки – ей было с виду по меньшей мере тринадцать лет.

Я ожидала, что она сторит от стыда и все время будет рыдать, но, к моему крайнему изумлению, она не только не плакала, но даже не покраснела. Она стояла спокойно, хотя и серьезно под устремленными на нее взорами всех присутствовавших. «Как она может переносить все с таким спокойствием, с такой твердостью? – спрашивала я себя мысленно. – Будь я на ее месте, мечтала бы провалиться сквозь землю, а у нее такой вид, точно она грезит наяву. Кажется, ее душа находится далеко-далеко, а все происходящее вокруг не имеет к ней никакого отношения. Я бы хотела знать, что она за девочка – хорошая или дурная». Мне вспомнились истории о снах наяву, когда я смотрела на нее. Ее глаза были опущены на пол, но я уверена, что она ничего перед собой не видела. Ее взор был как будто обращен внутрь, в самую глубину ее сердца, она как будто созерцала что-то в своих воспоминаниях и совершенно не видела того, что окружает ее в действительности.

Вскоре после пяти часов нам снова подали еду, состоявшую из восхитительной маленькой кружки кофе и ломтика черного хлеба. Я с наслаждением съела свою порцию, но даже

наполовину не утолила голода. После получасового отдыха последовало приготовление уроков, затем стакан воды с овсяной лепешкой, молитва и сон. Так прошел мой первый день в Ловуде.

Глава VI

Следующий день начался так же, как предыдущий, мы встали и оделись при свете свечи. Но в это утро мы были избавлены от церемонии умывания – вода в кувшинах замерзла. Погода изменилась с вечера, и резкий северо-восточный ветер, продувая сквозь щели в окнах нашей спальни, заставлял нас дрожать в постелях и превратил в лед содержимое кувшинов. Я чувствовала, что изнемогаю от холода.

Наконец настало время завтрака. На этот раз каша не пригорела, она была съедобна, но как ее было мало, какой маленькой показалась мне моя порция! Я желала, чтобы она была вдвое больше. В этот день я была зачислена ученицей в четвертый класс, и для меня начались регулярные занятия. До сих пор я была только зрительницей в жизни Ловуда, теперь я сделалась в ней действующим лицом. Вначале уроки показались мне длинными и утомительными, так как я не привыкла учить наизусть, частые переходы от одного предмета к другому смущали меня. Я была очень рада, когда около трех часов пополудни мисс Смит дала мне иглу, наперсток, полосу батиста в четыре фута длиной и, показав, как его подрубать, усадила меня за работу в отдаленный угол классной комнаты.

В этот час большинство воспитанниц шили, только ученицы одного класса, стоя вокруг стула мисс Скетчерд, продолжали чтение. Так как в классной комнате было совершенно тихо, то можно было ясно слышать, что читали, как каждая ученица справлялась со своей задачей и как мисс Скетчерд выражала свое порицание или похвалу. Читали историю Англии. Среди читавших я заметила и мою новую знакомую. В начале урока ее место было во главе класса, но за какую-то ошибку в произношении или невниманье к знакам препинания она сразу была отослана на последнее место. Но даже и там мисс Скетчерд беспрестанно обращалась к ней с замечаниями:

– Бернс (это была ее фамилия, здесь всех девочек звали по фамилии), Бернс, ты опять сутулишься, выверни сейчас же носки наружу! Бернс, зачем ты так безобразно выставила вперед подбородок, убери его! Бернс, держи голову прямо, я не хочу тебя видеть в такой позе! – и так далее, и так далее.

После того как глава была прочитана дважды, мисс Скетчерд велела закрыть книги и начала опрос. Прочитанная глава описывала эпоху царствования короля Карла I. В ней затрагивались вопросы торговых налогов и таможенных правил. Большинство девочек не были в состоянии отвечать, одна Бернс разрешала все затруднения всякий раз, когда к ней обращались: она, казалось, удерживала в памяти все содержание урока, и у нее был готов ответ на все вопросы. Я ждала, что мисс Скетчерд похвалит ее за внимание, но вместо того она вдруг закричала:

– Ты грязная, противная девчонка! Ты не вычистила ногти!

Бернс ничего не ответила. Ее молчание удивило меня. «Почему, – подумала я, – она не объясняет, что не могла сегодня чистить ногти и мыться, потому что вода замерзла?» Мое внимание было в эту минуту отвлечено мисс Смит, которая попросила меня помочь ей размотать клубок ниток. За этим занятием она время от времени заговаривала со мной, спрашивая, была ли я когда-нибудь раньше в школе, умею ли метить, вышивать, вязать и так далее. Пока она меня не отпустила, я не могла продолжать своих наблюдений над мисс Скетчерд. В ту минуту, когда я возвращалась на место, она отдала какое-то приказание, смысла которого я не поняла, но Бернс сейчас же вышла из класса в маленькую боковую комнатку, где хранились книги. Через минуту она вернулась оттуда, держа в руке пучок розог, связанных у одного конца. Передав это зловещее орудие мисс Скетчерд с почтительным поклоном, она спокойно, не дожидаясь приказа, развязала свой передник, и на плечи ее немедленно посыпалась дюжина ударов, направленных суровой рукой учительницы. Ни одна слеза не выкатилась из

глаз Бернс, а я тем временем не могла продолжать работу, потому что пальцы мои дрожали от бессильного гнева при виде этого зрелища. Ни одна черта ее задумчивого и грустного лица не изменила обычного выражения.

– Ленивая неряха! – воскликнула мисс Скетчерд. – Сколько можно отучать тебя от твоих дурных привычек. Унеси обратно розгу!

Бернс повиновалась. Когда она возвращалась в классную комнату, я посмотрела на нее пристально, она в эту минуту прятала в карман носовой платок, и на ее бледных впалых щеках я заметила следы слез.

Час игр под вечер был для меня самым приятным часом в течение всего дня в Ловуде. Кусок хлеба с кофе в пять часов несколько оживили меня, хотя и не утолили голода. Утомительное напряжение целого дня спало. В классной комнате было теплее, чем утром, – огонь в каминах горел несколько ярче. Красноватое пламя каминов, всеобщее оживление, смешанный гул множества голосов – все это придавало комнате уют и возбуждало во мне сладостное чувство свободы. Вечером того дня, когда мисс Скетчерд так жестоко наказала Бернс, я бродила одна среди скамеек, столов и смеющихся групп девочек, но не чувствовала себя одинокой.

Проходя мимо окон, я подымала шторы и выглядывала во двор. Снег падал крупными хлопьями, местами вдоль стен уже образовались сугробы. Прикладывая ухо к окну, я сквозь веселый гам, наполнявший комнату, могла слышать унылое завывание ветра снаружи. Если бы я, отправляясь в школу, покинула родной дом и любимых родителей, то в этот час я бы сильнее всего чувствовала всю тяжесть разлуки. Завывание ветра наполнило бы тяжестью и грустью мое сердце, мрак и хаос, окружавший меня, смутили бы покой моей души. Теперь же мною овладело какое-то странное возбуждение, лихорадочное и беспокойное, мне хотелось, чтобы буря ревела еще громче, чтобы полутьма сменилась полным мраком и гул, окружавший меня, превратился в вопли и крик.

Перепрыгивая через скамьи и перелезая под столами, я добралась до одного из каминов. Там на коленях перед решеткой камина молча, не замечая того, что делалось вокруг, сидела Бернс, вся углубленная в книгу, которую она читала при слабом свете пылающих угольев.

– Это все еще та же книга? – спросила я, подходя к ней.

– Да, – сказала она, – я как раз кончаю ее.

Через пять минут она захлопнула книгу. Я была этому рада. «Теперь, – подумала я, – может быть, заставлю ее разговориться». Я села рядом с ней на пол.

– Как тебя зовут?

– Элен.

– Ты приехала издалека?

– Из Шотландии, с севера.

– Ты когда-нибудь вернешься обратно домой?

– Я думаю, что никто не может знать, что будет. – Ты, должно быть, хотела бы уехать из Ловуда?

– Нет, почему мне хотеть этого? Меня отправили в Ловуд, чтобы я получила хорошее образование. Было бы совершенно бесполезно уезжать отсюда раньше, чем достигну цели.

– Но эта учительница, мисс Скетчерд, так жестока с тобой!

– Жестока? Вовсе нет! Она только терпеть не может моих недостатков.

– Если бы я была на твоём месте, я бы ее возненавидела, я бы не уступала ей. Я бы вырвала розгу у нее из рук и разломала на кусочки у нее перед носом.

– По всей вероятности, и ты бы ничего этого не сделала, а если сделала бы, мистер Брокльхерст выгнал бы тебя из школы, а это было бы большим огорчением для твоих родных. Гораздо лучше терпеливо переносить страдание, которого никто не чувствует, кроме тебя самой, чем сделать какой-нибудь необдуманный поступок. Дурные последствия распространяются на всех, кто близок к тебе, и кроме того, Писание учит нас платить добром за зло.

– Но ведь это позорно – быть наказанной розгами, быть поставленной на средину комнаты, наполненной людьми, а ты к тому же такая большая девочка. Я гораздо моложе тебя, но я не могла бы этого перенести.

– Но это было бы твоим долгом – перенести то, чего ты не могла бы избежать. Это слабость и безрассудство – говорить, что ты не можешь перенести того, на что тебя обрекла судьба.

Я слушала ее с изумлением, я не могла понять этого учения о терпении, еще меньше я понимала и одобряла кротость, с какой она относилась к своей мучительнице. Однако я чувствовала, что Элен Бернс видит вещи в свете, недоступном для меня. Я подозревала, что она, может быть, права, а я нет, и поэтому отложила обсуждение этого вопроса до более благоприятного времени.

– Ты говоришь, Элен, что у тебя есть недостатки, какие же это? Мне ты кажешься очень хорошей.

– Нет, на моем примере ты можешь убедиться, что не следует судить по внешности. Я, как говорит мисс Скетчерд, неряшлива. Я редко привожу в порядок свои вещи и никогда не поддерживаю порядка. Я невнимательна, я забываю правила приюта, читаю, когда надо учить уроки. Я не умею управлять собой и подчиняться, а иногда говорю, как и ты, что не могу переносить необходимости подчиняться раз заведенному порядку. Все это очень раздражает мисс Скетчерд, которая от природы очень аккуратна.

– И резка, и жестока, – прибавила я, но Элен Бернс не хотела согласиться с моим замечанием, она молчала. – А мисс Темпл разве так же строга с тобой, как мисс Скетчерд?

При упоминании имени мисс Темпл мягкая улыбка осветила серьезное лицо Элен.

– Мисс Темпл сама доброта. Для нее мучение быть строгой по отношению к кому-нибудь, даже к самой скверной ученице во всей школе. Она видит мои недостатки и ласково указывает их мне, а если я заслуживаю похвал, то она не скупится на них. Самым лучшим доказательством моей негодной, дурной натуры может служить то, что даже ее упреки, такие разумные и кроткие, не могут излечить меня от моих недостатков. Даже ее похвала, которую я ценю больше всего, не может заставить меня быть внимательнее и аккуратнее.

– Не понимаю, – заметила я, – ведь так легко быть внимательной.

– Для тебя это, без сомнения, легко. Я наблюдала за тобой сегодня утром во время урока и видела, что ты была очень внимательна. Твои мысли, казалось, никогда не бродили в другом месте, в то время как мисс Миллер объясняла урок и спрашивала тебя. Мои же мысли всегда где-нибудь бродят. Когда я должна следить за объяснениями мисс Скетчерд и стараться запомнить все, что она говорит, я часто даже перестаю слышать звуки ее голоса. Я точно впадаю в сон. Иногда мне кажется, что я на родине, и шум, который я слышу вокруг себя, это журчание ручейка, протекающего недалеко от нашего дома. В эти моменты, если до меня доходит очередь отвечать, я сначала должна проснуться и прийти в себя. Прислушиваясь к журчанию воображаемого ручейка, я не слышу ничего из того, что читалось в классе, и не знаю, что ответить на вопрос учительницы.

– Однако ты так хорошо отвечала сегодня после обеда.

– Это было совершенно случайно: меня интересовало то, о чем мы читали в классе. Сегодня после обеда вместо того, чтобы мечтать о родине, я думала о Карле Первом. Он искренне желал делать только добро, но поступал порой так несправедливо и неумно. Я думала: «Как жаль, что при всей своей честности и добросовестности он заботился только о сохранении власти и короны. Если бы он был более дальновиден, если бы он мог понять, чего требовал дух времени!» И все-таки я уважаю и люблю Карла Первого, бедного казненного короля! Его враги были во сто крат хуже, пролив кровь, которую не имели права проливать. Как они смели убить его!

Элен теперь говорила сама с собой. Она забыла, что я не могла ее понять, ведь я совершенно не знала или почти не знала того, о чем она говорила. Я навела разговор на более близ-

кую мне тему. – А во время урока мисс Темпл твои мысли тоже бродят где-нибудь в других местах?

– Нет, конечно нет, очень редко мне случается замечаться на ее уроках. Мисс Темпл всегда умеет рассказать что-нибудь более интересное, чем мои собственные размышления. Мне очень нравится ее манера говорить, и часто она рассказывает именно то, что я хотела бы узнать.

– Значит, по отношению к ней ты себя ведешь хорошо?

– Да, но я не делаю для этого никаких усилий, только повинуюсь своим желаниям. Но ведь в этом нет никакой заслуги.

– Напротив, большая заслуга: ты добра к тем, кто добр к тебе. Только так и можно относиться к окружающим. Если мы будем постоянно прощать жестокое и несправедливое отношение к себе, то злые люди всегда будут побеждать, они не будут исправляться, но будут становиться все хуже и хуже. Если нас бьют ни за что, мы должны ответить на удар со всей силой. Я уверена, что мы должны так поступать, чтобы убедить обидчиков никогда больше этого не делать.

– Я надеюсь, что ты изменишь мнение, когда вырастешь. Ты еще ничего не понимаешь.

– Но я чувствую, Элен, что должна ненавидеть тех, кто ненавидит меня, несмотря на все мои усилия угодить. Я должна сопротивляться тем, кто наказывает меня несправедливо. Это так же естественно, как любить тех, кто любит меня, или принимать наказание, если оно заслужено.

– Язычники и дикие племена следуют этому правилу, но христиане и цивилизованные народы не признают его.

– Как это? Я не понимаю.

– Нельзя насилием победить ненависть и нельзя мстью залечить обиды.

– Чем же?

– Читай Новый Завет и обрати внимание на то, что Христос говорит и как он поступает. Пусть его слова будут для тебя правилом, а его поступки – примером.

– Что он говорит?

– Он говорит: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

– Тогда я должна любить миссис Рид, а я этого совершенно не могу. Я должна благословлять ее сына Джона, а это невозможно. Элен Бернс спросила меня, что это значит, и я сейчас же начала рассказывать ей всю историю моих страданий и обид. Возбуждаясь, я всегда становилась резкой и несдержанной, и теперь дала полную волю своим чувствам. Элен терпеливо выслушала меня до конца. Я ожидала, что она скажет что-нибудь, но она молчала.

– Ну? – спросила я нетерпеливо. – Разве миссис Рид не злая, бессердечная женщина?

– Она, без сомнения, была не добра к тебе, потому что, видишь ли, ее отталкивал твой характер, точно так же, как мой характер отталкивает мисс Скетчерд. Но до каких мелочей ты помнишь все, что она сделала и сказала тебе! Какое глубокое впечатление ее несправедливость, по-видимому, произвела на тебя! Никакая обида не может задеть так глубоко мои чувства. Может быть, ты станешь счастливее, если забудешь ее суровость, так же как и всю неприязнь, вызванную ей? Жизнь кажется мне слишком короткой, чтобы тратить ее на разжигание вражды и злобы и запоминание всех перенесенных обид. Все мы рождаемся на свет с недостатками, но я глубоко верю, что наступит время, когда мы отбросим их вместе с нашей земной оболочкой. Наши проступки и грехи отпадут от нас вместе с нашей плотью, и останется только дух, такой же чистый, как в тот момент, когда Создатель пустил его на землю и вдохнул в нас дух жизни. Он вернется туда, откуда пришел. Я верю в это и крепко держусь этой веры, потому что она заключает в себе надежду, она превращает вечность в покой и мир, а не в полную ужаса бездну. Кроме того, эта вера дает мне возможность отделять преступника от его преступления.

Я искренно прощаю первого и отворачиваюсь от второго. С этой верой никогда жажда мести не терзает моего сердца, обида не задевает меня глубоко и несправедливость не может меня уничтожить. Я живу в мире и с надеждой смотрю на конец земной жизни.

Голова Элен, всегда несколько опущенная, поникла еще ниже, когда она произносила последние слова. Я видела по ее глазам, что она не хочет продолжать разговор со мной, а предпочитает остаться наедине со своими собственными мыслями. Но ей не дали времени на размышление: одна из старших, крупная, грубая с виду девушка, подошла к ней со словами:

– Элен Бернс, если ты сию минуту не пойдешь и не приведешь в порядок своего ящика и не сложишь своей работы, я позову мисс Скетчерд, чтобы она полюбовалась на твой беспорядок!

Элен вздохнула при этих словах, так грубо вернувших ее к действительности, встала и молча пошла исполнять приказание старшей.

Глава VII

Первые три месяца моего пребывания в Ловуде показались мне целым веком – и, увы, отнюдь не золотым. Они прошли в утомительных усилиях освоиться с новыми правилами и непривычными обязанностями. Боязнь не справиться с этой задачей мучила меня больше, чем физические лишения, выпавшие на мою долю. В течение января, февраля и части марта вокруг лежал глубокий снег, и во время оттепели дороги стали совершенно непроходимыми.

Мы должны были ежедневно час проводить на свежем воздухе, но имели возможность гулять только внутри стен нашего сада. Исключение составляли походы в церковь, куда мы отправлялись раз в неделю. Скучная одежда не защищала нас от сурового холода. У нас не было сапог, и снег попадал нам в башмаки и таял в них. Наши руки, не знавшие перчаток, распухли и потрескались. Я хорошо помню ужасную боль, которую причиняли мне каждый вечер мои воспаленные ноги. И каждое утро, когда приходилось надевать башмаки, мы испытывали мучение, потому что кожа на обмороженных местах сходила, оставляя открытые раны.

Недостаточное питание изнуряло нас. При нашем здоровом детском аппетите мы получали маленькие порции, которых хватило бы, только чтобы поддержать силы умирающего больного. Это скудное питание вызывало злоупотребления, которые всей тяжестью ложились на младших воспитанниц: при всяком удобном случае голодные старшие лаской и угрозами выманивали еду у младших. Не раз мне приходилось делить между двумя большими ученицами драгоценный кусок вечернего черного хлеба, и, уступив третьей половину чашечки кофе, я проглатывала остаток, смешивая его с горькими слезами.

Воскресенья были для нас тягостными днями в это зимнее время года. Каждую неделю мы шли две мили до Брокльбриджской церкви. Мы выходили из дома, дрожа от стужи, приходили в церковь еще более окоченевшими, а к концу обедни чувствовали себя почти парализованными от холода. Было слишком далеко возвращаться домой к обеду, и потому между двумя службами нам подавали закуску из холодного мяса и хлеба – такие же скудные порции, какие мы получали ежедневно.

По окончании послеобеденной службы мы возвращались домой по холмистой, открытой для ветра дороге: резкий зимний ветер, носившийся над цепью покрытых снегом холмов, охватывал нас ледяным дыханием и едва не сдирал кожу с лица. Я ясно вижу мисс Темпл – как она, запахиваясь в свой шотландский плащ, который ветер ежеминутно грозил сорвать с нее, легко и бодро шагала рядом с нами и, поддерживая нас словами и собственным примером, уговаривала не терять мужества и бодро идти вперед, «как храбрые солдаты». Остальные учительницы, бедняжки, были большей частью сами слишком удручены для того, чтобы пытаться подбодрять других.

Как страстно мы стремились к свету и теплу пылающего камина по возвращении домой! Но эта роскошь была недоступна, по крайней мере нам, маленьким: оба камина классной комнаты в мгновение ока осаждались двумя рядами старших воспитанниц, а за ними уныло теснились маленькие девочки, кутая в передник свои окоченевшие руки. Маленькое утешение являлось нам во время чая в виде двойной порции хлеба, целого ломтика вместо половины, и – о восторг! – с прибавлением тоненького слоя масла: в этом заключалось наше еженедельное пиршество, которого мы с восторгом ждали от воскресенья до воскресенья. Обыкновенно мне удавалось сохранять для себя половину этого роскошного угощения, но вторую половину мне неизменно приходилось отдавать.

Воскресные вечера проходили в повторении наизусть катехизиса, пятой, шестой и седьмой глав Евангелия от Матфея и в выслушивании длиннейшей проповеди. Ее читала мисс Миллер, сопровождая чтение беспрестанными зевками, которых она не могла подавить и которые выдавали ее усталость.

Я еще не упомянула о посещениях мистера Брокльхерста. Этот достойный джентльмен отсутствовал почти весь первый месяц моей жизни в Ловуде, может быть, его пребывание у его друга, архиепископа, затянулось дольше, чем он ожидал. Во всяком случае, для меня его отсутствие было большим облегчением. Незачем говорить, что я имела особые основания бояться его посещения. Но в конце концов он все-таки приехал.

Однажды после обеда (это было через три недели после моего приезда в Ловуд) я сидела с грифельной доской в руке и ломала себе голову над трудным делением. Взгляд мой рассеянно упал на окно, в эту минуту кто-то прошел мимо него. Я почти инстинктивно узнала эту длинную, сухую фигуру, и когда спустя две минуты вся школа, включая и учительниц, сразу поднялась с мест, мне незачем было поворачивать голову к двери. Я знала, чье появление школа приветствовала таким образом. Он большими шагами прошел через комнату, и рядом с мисс Темпл, поднявшейся вместе со всеми, стоял теперь тот же самый черный столб, который так зловеще возвышался предо мною на ковре у камина в столовой Гейтсхеда. Я искоса взглянула на него. Да, я не ошиблась: это был мистер Брокльхерст, застегнутый на все пуговицы и казавшийся теперь еще длиннее, уже и суровее, чем когда-либо.

Волосы поднялись у меня дыбом от ужаса при его появлении. Я хорошо помнила злобные намеки миссис Рид на мои дурные наклонности и его заверение предупредить мисс Темпл и учительниц о моем порочном характере. Все время я со страхом думала, что он сдержит свое обещание, и ждала появления человека, который опозорит меня перед всеми. Теперь он был здесь. Он стоял рядом с мисс Темпл и что-то тихо говорил ей – я не сомневалась, что он разоблачает мою испорченность. Я следила с мучительной тревогой за его глазами, ожидая каждую минуту, что его темные зрачки обратятся на меня с отвращением и презрением. Я стала вслушиваться в их разговор. Случайно я стояла близко от них и могла слышать, что он говорил мисс Темпл. Содержание их разговора на минуту избавило меня от мучительного страха.

– Я надеюсь, мисс Темпл, что нитки, которые я купил в Лоутоне, окажутся подходящими для коленкоровых рубашек. Я подобрал для них соответствующие иголки. Передайте, пожалуйста, мисс Смит, что штопальные иглы я привезу ей на будущей неделе. И пусть она ни в коем случае не выдает больше одной в руки, иначе воспитанницы будут относиться к иглам с небрежением и чаще терять. Затем, сударыня, я желал бы, чтобы вы лучше следили за качеством штопки шерстяных чулок. Я осмотрел белье, которое сушится на заднем дворе, и нашел там множество черных чулок, заштопанных весьма неудовлетворительно. Судя по величине дыр, я уверен, что за ними следят неаккуратно.

Он остановился.

– Ваши указания будут исполнены, – отвечала мисс Темпл.

– Кроме того, сударыня, – продолжал он, – прачка передала мне, что некоторые из девочек получили по два чистых воротничка в течение недели, это слишком много: по правилам полагается только один.

– Я могу объяснить это обстоятельство. Агнесса и Кэтрин Джонсон были в последний четверг приглашены на чай к своим друзьям в Лоутон. По этому случаю я разрешила выдать им чистые воротнички.

Мистер Брокльхерст кивнул головой.

– Ну да, один раз – это ничего, но я вас очень прошу не повторять таких вещей слишком часто. Затем я должен упомянуть еще об одной вещи, которая меня чрезвычайно удивила: просматривая счета экономки, я увидел, что в течение последних двух недель девочкам два раза был подан второй завтрак, состоявший из хлеба и сыра. Что это значит? Я просмотрел еще раз устав, но в нем не упоминается о втором завтраке. Кто ввел это нововведение? И по какому праву?

– Я должна взять на себя ответственность за это, – ответила мисс Темпл. – Завтрак был приготовлен так скверно, что воспитанницы не могли его есть, и я не решилась заставить их голодать до самого обеда.

– Сударыня, позвольте напомнить вам цель, которую я преследую, воспитывая этих девочек. В них не следует развивать любовь к роскоши и слабость характера, напротив, я стремлюсь закалить их, приучить к терпению и самоотречению. Если им приходится терпеть ничтожные лишения вроде испорченного или невкусно приготовленного обеда, то мы не вправе смягчать трудности. Это только разнеживает тела и противоречит целям нашего заведения. Подобными случаями, напротив, нужно воспользоваться как средством укрепить нравственность воспитанниц, приучить их мужественно переносить временные лишения. Нужно было коротко обратиться к воспитанницам, как сделал бы умный наставник, и напомнить им о страданиях первых христиан, напомнить слова нашего Учителя, убеждавшего своих учеников покорно нести тяжелый крест и следовать за ним. Он учил, что «не хлебом единым жив человек, но каждым словом, исходящим из уст Господа». Вы должны были напомнить его божественное утешение: «Счастливы вы, терпящие ради меня голод и жажду». О сударыня, влагая в уста этих детей хлеб и сыр вместо пригоревшей каши, вы насыщаете их грешные тела, но губите их бессмертные души!

Мистер Брокльхерст снова замолчал – должно быть, под наплывом чувств. В начале его речи глаза мисс Темпл были устремлены в пол, но теперь она смотрела прямо перед собой, и ее лицо, обыкновенно бледное как мрамор, как будто приняло так же неподвижность и холодность мрамора. Губы ее были крепко сжаты, на всем лице лежало выражение какой-то окаменелой суровости. Между тем мистер Брокльхерст, стоя у камина с заложенными за спину руками, величественно обозревал всю школу. Вдруг глаза его замигали, как будто что-то ослепило или поразило его зрачки, он повернулся к мисс Темпл и заговорил быстрее, чем говорил до сих пор:

– Мисс Темпл, мисс Темпл, кто, кто эта девочка с курчавыми волосами? Рыжие волосы, мисс Темпл, и курчавые – совершенно курчавые! – и, протянув палку, он указал на предмет, возбудивший его негодование, руки его дрожали от праведного гнева.

– Это Джулия Северн, – ответила мисс Темпл совершенно спокойно.

– Джулия Северн, сударыня! Но на каком основании у нее завиты волосы? Как она решается пренебрегать так открыто всеми правилами и обычаями этого дома и здесь – в евангелическом благотворительном заведении – носить волосы в виде целой массы локонов?

– Волосы Джулии выются от природы, – возразила мисс Темпл все еще совершенно спокойно.

– От природы! Да, но нам незачем идти на поводу у природы. Я повторяю еще раз: волосы у них должны быть скромно, просто, гладко причесаны. Мисс Темпл, волосы этой девочки должны быть острижены – совершенно сбиты! Я завтра же пришлю парикмахера. Я замечаю, что и у других девочек слишком много волос – например, у этой крупной, велите ей повернуться. Велите всей первой скамье встать и повернуться лицом к стене.

Мисс Темпл поднесла носовой платок к губам, скрывая невольную улыбку, однако она отдала требуемое приказание, и все ученицы первого класса, встав с мест, повернулись. Отклонившись слегка назад, я видела, какими взглядами и гримасами они сопровождали эту церемонию. Жалко, что мистер Брокльхерст был лишен этого зрелища: возможно, в его голову закралась бы мысль, что, властвуя над внешней оболочкой вверенных ему существ, он не имеет ни малейшего влияния на их внутренний мир. – Все эти космы должны быть срезаны!

Слова сходили с его уст, подобно трубным звукам Страшного суда. Мисс Темпл хотела, по-видимому, вставить слово.

– Сударыня, – прервал он ее, – я служу господину, царство которого не от мира сего. Моя задача – научить этих девушек украшать себя скромностью и воздержанностью, а не завитыми локонами и дорогими одеждами. Между тем каждая из этих молодых особ убрала волосы в

косы. Сплести их могло только одно тщеславие. Эти косы, я повторяю, должны быть срезаны. Подумайте только о времени, бесполезно потраченном на...

Здесь речь мистера Брокльхерста была прервана. В комнату вошли три новых посетителя, три дамы. Им следовало войти раньше, чтобы слышать проповедь об одежде, потому что все трое были разряжены в великолепные меха, бархат и шелк. На двух младших, красивых девушках шестнадцати и семнадцати лет, были очень модные, отделанные страусовыми перьями серые шляпы, из-под полей которых виднелись светлые, тщательно завитые локоны. Старшая дама была одета в дорогую бархатную накидку, отделанную горностаем, на лоб ее спадал ряд фальшивых французских локонов.

Мисс Темпл почтительно приветствовала вошедших как супругу и дочерей мистера Брокльхерста и проводила их на почетные места у стены классной комнаты. Они приехали в карете вместе с нашим достопочтенным директором и подвергли тщательному обходу верхние комнаты, в то время как он проверял счета экономки, выспрашивал прачку и читал проповедь начальнице. Теперь они принялись выговаривать мисс Смит, в обязанности которой входила забота о белье и наблюдение за нашими спальнями. Я не могла слышать того, что они говорили, другие вещи отвлекли мое внимание.

Хотя я внимательно вслушивалась в разговор мистера Брокльхерста с мисс Темпл, это не помешало мне, однако, обеспечить собственную безопасность. Я думала, что вполне справлюсь с этой задачей, если достопочтенный директор меня не заметит. С этой целью я откинулась как можно дальше назад на скамье и сделала вид, что поглощена вычислениями. Я держала грифельную доску таким образом, что она закрывала мое лицо. Возможно, я сумела бы избежать нежелательного внимания, но предательская доска выскользнула из рук и, с треском упав на пол, обратила на меня все взоры. Я знала, что теперь все пропало, и, наклонившись подобрать обломки грифельной доски, приготовилась к худшему.

– Какая неосторожная девочка! – сказал мистер Брокльхерст и вслед за тем прибавил: – А, это новая воспитанница!

И не успела еще я перевести дух, как он проговорил:

– Мне надо сказать несколько слов по ее поводу.

Затем он произнес громко – о, каким громким показался мне его голос!

– Пусть девочка, разбившая доску, выйдет вперед.

Я была точно парализована и при всем желании не могла сдвинуться с места. Две старшие девушки, сидевшие по бокам, взяли меня под локти, поставили на ноги и вытолкнули вперед, навстречу судье. Мисс Темпл ласково взяла меня за руку и, подводя к нему, прошептала мне на ухо:

– Не бойся, Джейн, я видела, что это было случайно, ты не будешь наказана.

Этот ласковый голос поразил мое сердце точно кинжал. «Еще минута, – думала я, – и она отвернется от меня с презрением, как от лицемерки». Чувство бешеной злобы против миссис Рид, мистера Брокльхерста и подобных им охватило меня при этой мысли. Я была не Элен Бернс.

– Дайте сюда стул, – проговорил мистер Брокльхерст, указав на высокий стул, с которого только что поднялась одна из старших.

Стул был принесен.

– Поставьте на него эту девочку.

И меня поставили на него, кто – я не знаю. Я была не в состоянии подмечать мелочи. Я оказалась на высоте лица мистера Брокльхерста на расстоянии не более двух футов, подо мною колебались и переливались облака серебристых перьев, оранжевого и темно-красного шелка и белого меха.

Мистер Брокльхерст откашлялся.

– Мисс Темпл, учительницы и дети, вы все видите эту девочку? – обратился он к присутствующим.

Конечно, они все видели меня, их глаза впились в мое пылающее лицо.

– Вы видите: она еще молода, вы замечаете, что она выглядит как обычный ребенок. Господь по милосердию своему дал ей тот же образ, что и всем нам. Ни один признак внешнего уродства не указывает на ее испорченный характер. Кто бы мог подумать, что она – послушное орудие в руках дьявола? И однако, мне больно это сказать, но это так.

Наступила пауза, в продолжение которой я попыталась овладеть своими нервами. Я повторяла себе, что Рубикон перейден и что испытание, которого нельзя избежать, надо перенести с твердостью.

– Мои дорогие дети, – продолжало с пафосом черное каменное изваяние, – на мне лежит тяжелая, грустная обязанность предупредить вас, что эта девочка, которая могла бы быть одной из любимых овец Господа, – отверженная! Вы должны постоянно быть настороже с ней. Остерегайтесь брать с нее пример. Если это необходимо, избегайте ее общества, исключайте ее из ваших игр. Что касается учительниц, – повернулся он к ним, – то вы все должны тщательно наблюдать за ней. Следите за ее действиями, взвешивайте ее слова, исследуйте поступки, наказывайте ее тело, чтобы спасти душу. Если, конечно, такое спасение еще возможно, ибо – мой язык едва решается такое произнести – ибо эта девочка, это дитя, родившееся в христианской стране, хуже маленькой язычницы, которая возносит свои молитвы к Будде и преклоняет колени перед своим божеством. Эта девочка – лгунья!

Снова наступила пауза, продолжавшаяся минут десять. Я между тем вполне овладела собой и теперь заметила, как все три представительницы дома Брокльхерстов вытащили свои носовые платки и поднесли их к глазам. Старшая беспрестанно покачивалась взад и вперед под наплывом горестных чувств, а две младшие прошептали:

– Как ужасно!

Мистер Брокльхерст снова заговорил:

– Все это я узнал от ее благодетельницы, от благочестивой и благотворительной дамы, которая взяла к себе сироту, воспитывала ее как собственную дочь. За доброту и великодушные эта девочка отплатила черной неблагодарностью, и в конце концов покровительница была вынуждена отослать ее от своих детей из боязни, чтобы порочный пример не погубил их душевной чистоты. Она послала ее сюда, чтобы здесь ее излечили. И потому я прошу вас, начальницу и учительниц, не спускать с нее бдительного ока!

Кончив свою напыщенную речь, мистер Брокльхерст застегнул верхнюю пуговицу сюртука и, обратившись к своей семье, прошептал что-то. Дамы встали и, поклонившись мисс Темпл, величественно покинули комнату.

Повернувшись в дверях, мой судья произнес:

– Пусть она стоит на этом стуле еще полчаса и пусть никто из вас не говорит с ней сегодня в течение целого дня.

И так я стояла здесь на возвышении, на глазах у всех. Я, говорившая, что не перенесу такого позора, – я была выставлена к позорному столбу, на всеобщее посмеяние. Никакие слова не могут передать того, что во мне происходило. Как раз в ту минуту, когда я теряла власть над своими чувствами, когда у меня сжалось горло и перехватило дыхание, мимо меня прошла Элен Бернс и, проходя, подняла на меня глаза. Каким странным светом они сияли! Как согрели мою душу лучи этого дивного света! Какое-то новое, неведомое чувство ободрило меня. Точно мученик прошел мимо раба и вдохнул в него новые силы! Усилием воли я подавила начинавшийся нервный припадок, подняла голову и выпрямилась.

Элен Бернс обратилась к мисс Смит с каким то незначительным вопросом по шитью, выслушала выговор по поводу бессмысленности этого вопроса, вернулась на место и, вновь проходя мимо меня, улыбнулась. Что это была за улыбка! Я и сейчас помню ее в точности

и понимаю, что она была выражением благородства и мужества, она осветила выразительные черты на худеньком лице, впалые серые глаза, и в сиянии этой улыбки Элен казалась ангелом. А тем временем на руке у нее красовалась «повязка неряхи», и час тому назад мисс Скетчерд посадила ее на хлеб и воду за то, что, переписывая упражнение, она залила бумагу чернилами. Такова несовершенная человеческая природа. Пятна бывают даже на солнце, но глаза, подобные глазам мисс Скетчерд, только их и видят, не замечая целительного тепла и света.

Глава VIII

Часы пробили пять, уроки прекратились, и все отправились в столовую пить кофе, а я решила сойти со своего возвышения. В комнате стоял мрак, я направилась в самый дальний угол комнаты и уселась на полу. Силы, влившиеся в меня вместе с улыбкой Элен Бернс, иссякли, горе и отчаяние охватили меня с такой силой, что я не могла больше совладать с ними. Повалившись лицом на пол, я разразилась рыданиями. Элен Бернс не было здесь, никто не поддерживал меня теперь, я была предоставлена самой себе и дала волю слезам, обильно залившим холодные доски пола.

Я так хотела найти пристанище в Ловуде, так хотела много трудиться, завоевать друзей, заслужить уважение и любовь. Я уже сделала заметные успехи: утром этого самого дня я была объявлена первой ученицей в классе, мисс Миллер горячо хвалила меня, мисс Темпл одобрительно улыбалась мне, она обещала через два месяца добавить мне уроки рисования и французского, если я буду продолжать в том же духе. Товарки тоже относились ко мне хорошо, ровесницы обращались со мной как с равной, и никто не мучил меня и не досаждал мне. А теперь – теперь я лежала на полу, уничтоженная, раздавленная. Смогу ли я когда-нибудь снова подняться? «Нет, никогда», – сказала я себе мысленно, и у меня явилось страстное желание умереть.

В то время как я прерывающимся голосом произносила вслух это желание, кто-то подошел ко мне. Я вздрогнула – Элен Бернс стояла около меня, она принесла кофе и хлеб.

– Вот, я принесла тебе поесть, – сказала она.

Но я оттолкнула еду. Мне казалось, что от глотка кофе или крошки хлеба я просто задохнусь. Элен посмотрела на меня, должно быть, с удивлением. Я больше не владела собой, несмотря на все усилия, и продолжала рыдать. Она уселась на полу около меня, обхватила обеими руками свои колени, положила на них голову и в таком положении оставалась молча, неподвижно, как индеец.

Я первая заговорила:

– Элен, зачем ты сидишь рядом с девочкой, которую все считают лгуньей?

– Все, Джейн? Но ведь всего восемьдесят человек слышали, что тебя так называли, а на свете существуют сотни миллионов людей.

– Какое мне дело до миллионов? Восемьдесят человек, которых я знаю, презирают меня.

– Джейн, ты ошибаешься. Думаю, в школе нет ни одной девочки, которая бы презирала тебя, наоборот, многие жалеют.

– Как они могут жалеть меня после того, что сказал мистер Брокльхерст?

– Мистер Брокльхерст не бог, он даже человек не выдающийся. Здесь его не любят, он ничего не сделал, чтобы его любили. Если бы он выделил тебя как любимицу, то у тебя, наверное, появилось бы много врагов, тайных и явных. А теперь большинство девочек сочувствуют тебе. Может быть, два-три дня ты будешь испытывать холодность от учительниц и учениц, но в душе они все питают к тебе дружеские чувства. Если ты будешь учиться так же хорошо, как сейчас, эти чувства в скором времени будут только расти. Кроме того, Джейн... – она остановилась. – Что, Элен? – спросила я, вкладывая свою ладонь между ее руками. Она нежно гладила мои пальцы, согревая, и затем продолжала:

– Если бы весь свет ненавидел тебя и считал тебя дурной, пока твоя совесть чиста и пока за тобой нет никакой вины, у тебя всегда найдутся друзья.

– Нет, я знаю, что ни в чем не виновата, но этого мне мало. Если другие не будут меня любить, то я предпочитаю умереть. Я не могу переносить одиночества и ненависти. Вот что я тебе скажу: чтобы заслужить привязанность (твою, или мисс Темпл, или кого-нибудь другого, кого я искренне люблю), я бы охотно согласилась сломать себе руку, или быть поднятой на

рога диким быком, или броситься навстречу взбесившейся лошади и подставить грудь под ее копыта...

– Тише, Джейн, тише! Ты слишком много думаешь о людской любви, ты слишком порывиста, слишком горяча. Всемогушая рука, которая тебя создала и вдохнула в тебя жизнь, дала тебе возможность искать поддержку не только в себе или в других существах, таких же слабых, как ты. Рядом с нашим миром, рядом с людьми, есть еще другой, невидимый мир и царство духов. Этот мир вокруг нас, он всюду, и духи следят за нами, потому что они призваны охранять нас. Если нам суждено умереть в несчастье и позоре, среди людского презрения и ненависти, ангелы видят наши мучения и нашу невинность. Если мы чисты (а я верю, что ты невинна – мистер Брокльхерст передал обвинение из вторых рук, от миссис Рид, – я знаю, что оно ложно, я вижу твою искреннюю, правдивую натуру в ясных глазах и на чистом лбу), Господь ждет только, чтобы наш дух отделился от тела, Господь воздаст за несправедливые страдания. Но тогда зачем же поддаваться горю, зачем приходить в отчаяние, если жизнь коротка, а смерть – верный переход к вечному блаженству?

Я молчала. Элен успокоила меня, но в спокойствии, исходившем от нее, была примесь какой-то невыразимой грусти. Мне было больно слушать ее, и я не могла понять, откуда взялась эта смутная душевная боль. Окончив говорить, Элен часто задышала и закашлялась сухим, коротким кашлем. Я мгновенно забыла все огорчения, почувствовав острую тревогу за нее. Положив голову на плечо Элен, я обхватила ее руками, она прижала меня к себе, и мы долго сидели так молча. Спустя некоторое время в комнату кто-то вошел.

Поднявшийся ветер разогнал тяжелые тучи, покрывавшие небо, и луна выплыла из-за них. Ее свет, проникая в комнату через окно, упал на нас и на приближавшуюся фигуру, в которой мы узнали мисс Темпл.

– Я пришла, чтобы отыскать тебя, Джейн Эйр, – сказала она. – Я хочу пригласить тебя к себе. Элен Бернс может пойти с нами.

Мы встали. Следуя за начальницей, мы прошли через целый лабиринт коридоров, поднялись по лестнице и вошли к ней в комнату. В камине горел яркий огонь, и комната выглядела очень уютно. Мисс Темпл усадила Элен Бернс в низкое кресло у камина, села по другую сторону и подозвала меня к себе.

– Ты успокоилась? – спросила она, глядя мне в лицо. – Выплакала свое горе?

– Я боюсь, что никогда не успокоюсь.

– Почему?

– Потому что меня несправедливо обвинили. И теперь все будут считать меня дурной.

– Мы будем считать тебя такой, какой ты нам покажешь себя, дитя мое. Продолжай вести себя как хорошая девочка, и мы будем довольны тобой.

– Правда, мисс Темпл?

– Конечно, – ответила она, обнимая меня рукой. – А теперь скажи мне, кто эта дама, которую мистер Брокльхерст называл твоей благодетельницей?

– Это миссис Рид, жена моего дяди. Мой дядя умер и оставил меня на ее попечении.

– Значит, она не по собственному побуждению приняла тебя? – Нет, она была совсем не рада этому. Но мой дядя, как я слышала не раз от слуг, умирая, взял с нее обещание всегда заботиться обо мне.

– Ну, Джейн, ты знаешь или узнаешь сейчас от меня, что преступник всегда имеет право сказать что-либо в свою защиту. Тебя обвинили в лживости – оправдайся передо мною, как умеешь. Скажи все, что сохранилось в твоей памяти как безусловная правда, но не прибавляй и не преувеличивай ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.